

Максимова Наталья

Имена героев моей малой РОДИНЫ

Наталья Максимова

Имена героев моей малой Родины

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68788014
SelfPub; 2023*

Аннотация

Публицистический материал социального проекта В 2017 году в молодежном центре «Калейдоскоп» Советского района г. Новосибирска инициирован проект «Имена героев моей малой Родины». Проект посвящен знаменитым людям Новосибирского Академгородка. В 2017 г. «Городку» исполнилось шестьдесят лет. Многие герои, стоявшие у истоков его создания и сделавшие его знаменитым на весь мир, уходят из жизни, и память о них стирается у новых поколений. Сохраняя знания и память о судьбах этих людей, мы прежде всего сохраняем то ценное, что они вложили в создание района, и формируем среди молодежи психологическую установку на инициативное целеполагание и ориентированность на результат. Моя малая Родина... У каждого человека она своя, но для всех является той путеводной звездой, которая на протяжении жизни определяет очень многое, если не сказать – все!

Наталья Максимова

Имена героев моей малой Родины

**Публицистический материал социального проекта
«Имена героев моей малой Родины»**

В 2017 году в молодежном центре «Калейдоскоп» Советского района г. Новосибирска инициирован проект «Имена героев моей малой Родины». Проект посвящен знаменитым людям Новосибирского Академгородка.

В 2017 г. «Городку» исполнилось шестьдесят лет. Многие герои, стоявшие у истоков его создания и сделавшие его знаменитым на весь мир уходят из жизни и память о них стирается у новых поколений.

В программы учебных учреждений не входит информация о судьбе и вкладе в мировую научную и общественную мысль всемирно знаменитых ученых Академгородка. К сожалению, многие молодые люди Советского района не знают имена выдающихся людей, зачастую даже тех в чью честь названы улицы. При этом внуки и правнуки этих людей живут с нами по соседству и могут поделиться с молодежью личным опытом и впечатлениями о своих неординарных предках.

Сохраняя знания и память о судьбах этих людей мы,

прежде всего, сохраняем то ценное что они вложили в создание района и формируем среди молодежи психологическую установку на инициативное целеполагание и ориентированность на результат.

Моя малая Родина... У каждого человека она своя, но для всех является той путеводной звездой, которая на протяжении жизни определяет очень многое, если не сказать – все!

В этой публикации мы хотим поделиться материалами, созданными во время реализации проекта и отражающими судьбы всемирно известных ученых Новосибирского Академгородка, многие из которых были участниками Великой Отечественной войны.

Герш Ицкович Будкер

(1 мая 1918 г. – 4 июля 1977 г.)

Герш Ицкович (Андреем Михайловичем он стал позднее) Будкер родился 1 мая 1918 года в селе Новая Мурафа Ямпольского уезда Подольской губернии (Украина, ныне Шаргородский район Винницкой области) в семье сельского рабочего в самый разгар Гражданской войны, буквально на линии фронта. В тот день, когда появился на свет будущий академик, бандиты во время одного из еврейских погромов убили его отца.

Воспитывала маленького Герша мать, которая вскоре после гибели мужа перебралась вместе с детьми в Винницу, к родственникам. Там прошло его детство, там он пошел в

школу. Учился хорошо, знания давались ему легко.

В 1935 году, окончив только девятый класс, Будкер попытался поступить в Московский университет, но принят не был. Как он сам вспоминал впоследствии, произошло это не по причине возраста, а из-за того, что его взгляды по одному из вопросов разошлись со взглядами преподавателя.

В университет Будкер поступил в следующем году, закончив, как и полагалось, среднюю школу. Обладая отменной памятью, на лекциях ничего не записывал, все запоминал. Как и в школе, учился хорошо. Рано женился. Вскоре стал отцом.

Первую свою научную работу выполнил, еще будучи студентом. Она была посвящена теории относительности. Работа была выполнена под руководством Игоря Васильевича Тамма, тогдашнего члена-корреспондента Академии наук СССР, будущего академика, будущего лауреата Нобелевской премии по физике.

Правда, время было тогда лихое. И карьера Будкера, да и сама жизнь, могла прерваться, так и не начавшись. Зимой 1940 года на политзанятиях он вдруг заявил, что мир с фашистской Германией – дело конъюнктурное и временное. В те годы за такую вылазку «классового врага», а именно так оценил высказывание преподаватель, можно было легко загреметь в лагеря. Но Будкеру повезло, его не арестовали и даже не выгнали из университета. Но стипендии лишили – преподаватель настоял. Пришлось студенту для заработка,

чтобы прокормить жену и маленького ребенка, разгружать арбузы в столичном речном порту.

Последний государственный экзамен он сдал 23 июня 1941 года. Из аудитории Будкер побежал в комитет комсомола, считал, что с комсомольским билетом у него будет больше прав пойти на войну добровольцем. Хотя после обучения он был распределен дефектоскопистом на подмосковное оборонное предприятие и попал в число очень дефицитных специалистов по контролю за качеством металла, что давало ему бронь. Тем не менее через четыре дня он надел военную форму и не снимал ее все четыре года войны. Во время войны, он временно сменил свое имя, теперь его звали Андрей Михайловича, как его погибшего боевого товарища.

Служил в полевой зенитной части. Именно там, на фронте, он сделал свое первое изобретение – усовершенствовал систему управления зенитным огнем. В начале сорок пятого его послали в Москву – на слет армейских изобретателей. Командир полевой части, где он сделал первое свое изобретение, назвал созданный им прибор «АМБ» – Андрей Михайлович Будкер.

И вот наступил май 1945 года. Нацистская Германия была повержена. Но была еще Япония, с которой также требовалось «разобраться». Так он и узнал о ядерной бомбардировке Хиросимы.

Сообщение о том, что произошло в Японии, настолько ошеломило его, что он твердо решил войти в «атомную про-

блему». В 1946 году, сразу после демобилизации, Андрей Михайлович Будкер (к тому моменту Герш Ицкович уже остался в прошлом) пришел в отдел теоретической физики лаборатории № 2, знаменитой «двойки», руководимой Игорем Васильевичем Курчатовым. Сегодня это не менее знаменитый Курчатовский институт.

Это было героическое время для отечественной физики. Молодой Будкер оказался в эпицентре работ по созданию атомной бомбы.

Начиная работать в лаборатории Г.И. Будкер простился с поисками в русле известных, общепризнанных идей и сделал шаг в мир собственных дерзких проектов, которые многим будут казаться просто фантастическими и годными для обсуждения лишь в узком кругу друзей...

Молодой Будкер оказался в эпицентре по созданию атомной бомбы. Будкер предложил свой собственный подход к проблеме термояда, придумал «магнитные пробки» для удержания плазмы и стал родоначальником нового направления;

Следующая серия его работ относится к теории циклических ускорителей. Она была выполнена в связи с сооружением гигантского по тем временам ускорителя в Дубне. Итогами этих работ стали кандидатская диссертация Будкера и Сталинская премия;

Будкер отличался нетрадиционным мышлением не только в физике. Так же независимо рассуждал он и о проблемах

политических, социальных, экономических.

Не исключено, что «политически неблагонадежным» он числился еще с довоенных времен. Вспомните его суждение о мирном договоре с Германией. Но были и другие «грехи», уже в конце 1940-х годов. Наивно было бы думать, что в работах по «атомному проекту», который курировал сам Берия, не нашлось тех, кто скрупулезно фиксировал все, что говорили ученые не на производственных совещаниях, а в «кулуарах». Неизвестно, что именно и где Будкер сказал «не так», но дело на него завели. И посадить могли, и расстрелять могли.

Спас Будкера Курчатов Игорь Васильевич, сказавший, что без его идей проблему термояда решить невозможно. Андрей Михайлович часто говорил: «Я держался на одном волоске бороды Курчатова». Авторитет Игоря Васильевича был столь велик, да и Берия был не настолько глуп, чтобы не понимать значимость работ Будкера при создании термоядерной бомбы. Поэтому он и выдал в очередной раз свой «любимый» афоризм: «Пусть работает, а посадить его мы всегда успеем». Кстати, поговаривают, что после расстрела Берии, когда вскрыли его служебный сейф, среди найденных досье, помимо дел на партийных функционеров (Молотов, Маленков, Хрущев и др.), были найдены дела и на некоторых ведущих ученых-атомщиков и ученых-ракетчиков, в том числе на Курчатова, Королева, Глушко, Сахарова и Будкера. Как бы цинично это ни звучало, но в людях Лаврентий

Павлович умел разбираться. Бездарности в его сейф не попали.

После смерти Сталина и устранения Берии работать советским физикам стало легче. Уже не довлел страх перед репрессивным режимом, уже повеяло «оттепелью». Этот период для Будкера стал одним из самых плодотворных. Он с упоением работал над проблемами управляемой термоядерной реакции, защитил докторскую диссертацию.

Однако не так легко было убедить экспериментаторов и инженеров заняться осуществлением этих почти фантастических идей. Правда, в молодых энтузиастах недостатка не было, но для развития этих работ нужно было заинтересовать целый институт, а у каждого – свои задачи.

Когда в 1957 году Курчатов предложил А.М. Будкеру организовать в Сибири новый ядерный институт, он без колебаний согласился – оставил чистую теорию и сам возглавил группу экспериментаторов и инженеров для осуществления своих идей. Курчатову хотелось расширить масштабы работ, а Будкеру хотелось сбросить груз обветшалых традиций и стереотипов, начать большое дело вдали от столичного начальства.

Переезд в Новосибирск сыграл важную роль в развитии Института ядерной физики, ибо условия и атмосфера нового научного центра как нельзя лучше способствовали осуществлению оригинальных замыслов Будкера. Имеется ввиду Круглый стол – инструмент, с помощью которого удалось

создать один из самых необыкновенных творческих коллективов в мире.

Сама по себе идея такого органа коллективного мышления не нова. И воплотить ее в жизнь пытались многие. Но сделать ее эффективной мало кому удавалось. Чаще идея нивелировалась до обыкновенной планерки, оперативки, пятиминутки. А вот Будкеру удалось создать именно инструмент. И этому можно только завидовать.

«Рыцари Круглого стола» собирались каждый день ровно в полдень. Это были сплошь молодые люди (средний возраст сотрудников не превышал тридцати,), доброжелательные, с чувством внутренней свободы и собственного достоинства. Атмосфера за Круглым столом деловая, но не формализованная. За чашкой кофе там обсуждались самые разные вопросы: прием на работу новых сотрудников и последние открытия в науке, строительство жилья и ситуация в мире, театральные новинки и план работ на ближайшее время. И все это перемежалось остротами, анекдотами, байками. Дискуссии шли бурно, иногда много дней подряд не могли прийти к общему мнению. Упорно, терпеливо учились думать самостоятельно, чтобы стать единомышленниками.

В кабинет директора входили без доклада, в любой момент, здесь всегда былолюдно, шумно, шло постоянное обсуждение. Однажды кто-то из американских гостей сказал: «Наша страна – самая демократичная в мире. Почему же самый демократичный в мире научный институт находится в

Сибири?»).

Оставаясь директором этого института до последнего дня жизни, он превращает его в крупнейший ядерно-физический центр страны, завоевавший признание во всем мире как центр уникальных научных и технических решений.

В 1967 году будкеровский коллектив первым в мире начал изучать взаимодействие вещества и антивещества на ускорителях со встречными пучками. Столкнуть встречные пучки – это все равно что выпустить одну стрелу с Земли, а вторую – из окрестностей какой-нибудь звезды. И стрелы встречаются – острием в острие.

Кстати, идея взаимодействия на встречных пучках стала идеологической основой адронного коллайдера. И один из первых в мире коллайдеров – ВЭПП (встречные электрон-позитронные пучки) – заработал, кстати, в Институте ядерной физики в Новосибирске. Произошло это в 1965 году.

«Слова «невозможно» для него не существовало, – писала вдова академика. – Чем труднее была задача, тем больше она его увлекала. Решения, которые он находил, были оригинальными, неожиданными, простыми и эффективными. И не только в физике, но и в области человеческих отношений. Кому могло прийти в голову поручить Институту ядерной физики защищать зерно от вредителей? Искать новые способы бомбардировки раковых клеток? Работать над проблемой обеззараживания сточных вод? Никто не поручал. Буд-

кер и его молодой коллектив взялись за это сами».

Кроме того, что Будкер был блистательным ученым и великолепным организатором, он был еще и обаятельным человеком. Об этом говорят все, кто с ним сталкивался.

Аркадий Райкин вспоминал о нем: «И юмор его был особенный, свой. В его взгляде были и мудрость, и мальчишество. Только очень хорошим людям удается сохранить в себе до седых волос ясное, незамутненное детство».

Андрей Петрович Ершов

(19.04.1931 – 08.12.1988)

Академик Андрей Петрович Ершов – математик, информатика, программист.

Андрей Петрович Ершов и его команда стояли у истоков информатики, здесь в Новосибирске. Информатика – это наука новая, она появилась примерно в годы второй мировой войны. В нашей стране это 1951-55 гг. Соответственно и люди, которые учились работать в этой области это тоже середина 50 –х годов. А.П. Ершов только в 1954 году окончил университет. И он был в группе, которой первой прочитали курс программирования.

А сам предмет информатики был введен в школах СССР одномоментно лишь в 1985 году. И к этому времени Андрей Петрович и его группа написали учебники. Программирование он считал второй грамотностью. И если вы услышите где-нибудь тезис «программирование – вторая грамотность», то знайте, что он принадлежит Андрею Петровичу.

Он вообще считал, что программа – это очень важная составная часть нашей жизни и весь мир окутан программами. На его лекции часто демонстрировалась картинка, когда Земля окутана перфолентой. Перфолента – это одно из информационных средств, с помощью которого, программа вводилась в электронно-вычислительную машину. Первые машины представляли собой такие огромные ламповые монстры с водяным охлаждением. Одной вычислительной машине требовалось помещение более 200 кв.м. И информация вводилась в них по началу с помощью бумажных носителей (перфолента или перфокарта).

Так вот, Андрей Петрович считал, что вся Земля окутана программами. И если вы подумаете, как вы начинаете свое утро, то сообразите, что как только вы просыпаетесь вы включаете программу: встать, умыться, одеться, собрать сумку, выйти. И уроки происходят по программе и по большому счету вся жизнь проходит по определенным программам. Какие-то программы запущены вами, какие-то помимо вас, и вы вынуждены им подчиняться.

Андрей Петрович и его команда, с конца 70-х годов начали работать со школьниками. По скольку большие машины находились только в больших организациях и не было свободного персонала. Для того чтобы рассказать людям, что они существуют собирались «Летние школы юных программистов». Со всей страны туда собирались ребята, которые хотели научиться программированию. Одна из них находи-

лась в Новосибирске, были и в других городах (в Москве, в Харькове). Такие школы существуют и сейчас, но начались они в конце 70-х годов. На одну из таких летних школ в Новосибирск приезжал Джон Маккарти (на слайде) – профессор Стэндфордского университета.

Командой Ершова в 80-е годы были созданы командой Ершова в 80-е годы, чтобы запустить их в школы. И учебник на русском языке был переведен на все языки Советского Союза (15 республик).

В 1986 году Андрей Петрович Ершов свозил небольшую группу советских школьников в Соединенные Штаты Америки, для ознакомления их с более передовыми технологиями в этой области: ЭВМ, электронной почты и уже сетевых процессов. Ребята должны были посмотреть, что их ждет в будущем. Наша страна, некоторым образом отставала в этой области.

Немного о самом Ершове. Он родился в Москве, в 1931 году. Отец его был инженером-химиком, мать библиотекарем. Именно от матери он воспринял любовь к книгам, понимание важности библиотек, которые в его жизни и жизни всех советских программистов сыграли огромную роль.

Перед войной Ершов с родителями оказался на Украине, в небольшом городке Рубежное, которое был занят немцами. И несколько месяцев они находились в оккупации, что потом сыграло тотальную роль в его судьбе. Немцев прогнали, семья эвакуировалась в Кемерово, где Андрей Петрович вы-

учился в школе, закончив ее с отличием и затем поступил в Московский университет на физический факультет. Он мечтал стать физиком.

В это время активно развивалась наша ядерная программа, но не маловероятно, что он о ней знал. Но правительство знало, что нужны специалисты в этой области и всех кандидатов тщательно проверяли, еще с студенческой скамьи. Дело было глубоко секретным. Только в середине 90-х гг. начали по немного публиковать документы атомного проекта. Но даже до сих пор далеко не все опубликовано, и даже то, что есть опубликовано с купюрами.

Так вот, Андрею Петровичу Ершову удалось проучиться на физическом факультете только один год. Через год прошерстили весь факультет и выявили людей с неблагополучными биографиями. Тот факт, что семья Ершова была на оккупированной территории стал отрицательным в его биографии и его отчислили с физического факультета. Но не отчислили совсем из института, а дали возможность выбрать другой факультет. И тогда он перешел на математический. И здесь, уже на 3-м курсе, познакомился с профессором Андреем Алексеевичем Ляпуновым. А Андрей Алексеевич, фронтовик, как раз был участником атомного проекта, правда не долгое время. Но его задачей было разработать теорию программирования, научить людей как работать на электронно-вычислительных машинах. И именно Ляпунов в Московском университете прочитал первые лекции по тео-

рии программирования. Андрей Петрович был его студентом. Позже он стал его аспирантом.

Первая электронно-вычислительная машина, даже не машина, а Макет электронной счетной машины (МЭСМ), была создана в Киеве, инженером Сергей Алексеевичем Лебедевым. Именно у него в конце 40-х годов появилась идея как создать электронно-вычислительную машину. Эта идея уже витала в воздухе. Что-то подобное было создано в Германии перед войной, после войны американские ученые разрабатывали ЭВМ. Это были ламповые машины, лампы ввинчивали в большие стенды, к ним подключалось огромное количество проводов. И вот такую машину делали в Киеве. Потом Лебедев переехал в Москву, в Академию наук и делал уже большую электронно-вычислительную машину. И именно ему принадлежит линия машин: БЭСМ, БЭСМ – 6 (самая знаменитая машина Советского Союза). БЭСМ – 6 была тоже ламповая машина, второго поколения. Про нее наши программисты шутили, что на машине второго поколения, с помощью программного обеспечения 3-го поколения, решаются задачи 4-го поколения. Это был период нашего отставания в развитии электронно-вычислительной техники.

Следующей машиной стала МЭСМ. Её характеристики: оперативная память 31 ячейка, командная память 63 ячейки, быстродействие – 3 тыс. операций в минуту, количество вакуумных ламп 6 тыс., занимаемая площадь 60 кв. м. Еще не монстр, но уже довольно большая. Когда ее поставили в

помещение, тут же поднялась температура и пришлось пробить потолок, чтобы обеспечить вентиляцию.

В 1954 году Андрей Петрович окончил университет и стал аспирантом Ляпунова.

В 1958 году Андрей Петрович, занялся теорией программирования написал книгу в Академии наук «Программирующая программа для БЭСМ». Она быстро была переведена на английский и на китайский язык. Тогда наша страна дружила с Китаем и много им помогала и первые вычислительные машины китайцы делали по нашим чертежам. В то время в Китай в большом объеме везли микроэлементы, оборудование, техническую документацию. Машина БЭСМ, ЭМ-3, Урал были сделаны китайцами по наши технологиям.

В 1957 году, когда в Новосибирске создается Сибирское отделение Академии наук, Андрей Петровича приглашают возглавить отдел программирования в будущем Вычислительном центре. Еще самого Вычислительного центра не было в проекте, но был Институт математики и по началу Отдел программирования был там. В это время некое противостояние математиков и программистов уже имело место. Когда программисты стали заявлять свою научную составляющую, математики очень сильно противились. Их возмущали диссертации, в которых нет форм. У программистов не было форм, в их работах были только какие-то языковые конструкции.

Вычислительный центр как организация появился в 1962

году, начал работать в 1964. Это здание было предназначено совершенно для другого института, но в итоге здесь разместился ВЦ. Машины, которые в нем были: ЭМ-20, затем появились машины второго поколения Минск-22, потом Минск-222, БЭСМ, Урал-14 и т.д. Т.е. в здании ВЦ находилась масса огромных машин. Директором Вычислительного центра стал академик Гурий Иванович Марчук.

Андрей Петрович в 1962 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1967 – докторскую и впервые тогда, в конце, 60-х заговорили о Школе программирования Ершова.

В чем же состояла работа программистов Вычислительного центра? Это создание трансляторов различных языков программирования для различных архитектур. Сейчас очень сильно унифицировано программное обеспечение, информация может быть переносима с одной машины на другую (но и сейчас есть особенности). А тогда, машины, даже выпускающиеся серийно отличались друг от друга по конструкциям, каким-то элементам и нужно было переписывать или подстраивать программы под каждую архитектуру. Этим и занимались программисты Вычислительного центра.

В это время были особенности в написании алгоритмов этих программ, в частности алгоритма оптимизации. Скорость программ, при такой маленькой памяти машин зависела от качества алгоритма, на сколько быстро алгоритм мог решить какую-то задачу.

В этот период в нашей стране довольно часто проводились

конференции по программированию. Андрей Петрович сам участвовал в организации пяти подобных конференций. Это и сейчас важно, но тогда это было еще важнее, потому что одни программисты работали в Академии наук, другие работали в каких-то закрытых предприятиях, очень много было так называемых «почтовых ящиков», заводов, институтов, информация о работе которых была закрыта. Но обмен научной информацией должен был происходить. Для этого и собирали такие конференции. В феврале 1970 года подобная конференция проходила в Новосибирске и собрала больше 1000 участников в Академгородке, в котором на тот момент еще толком нет гостиниц для такого количества участников, нет залов заседаний. Поэтому размещали гостей в студенческих общежитиях (поэтому и проходила в феврале, потому что студенты были на каникулах), заседали в университете в поточных аудиториях, в Доме ученых. Приезжал глава Московской школы программистов Михаил Романович Шура-Бура.

Свыше 50-ти раз Андрей Петрович выезжал на зарубежные конференции. Для него и для всех остальных это было нечто вроде промышленного шпионажа. Публикации из зарубежных журналов и отчетов это одно, и их приходило много в библиотеку Вычислительного центра. Библиотека была очень востребована, программисты со всей страны приезжали в Новосибирск, чтобы просто поработать в ней, посмотреть новые книги и отчеты из-за рубежа. Но когда знающий

человек поедет, посмотрит, поговорит со специалистами, а потом приедет и сделает соответствующий доклад, это совершенно другое. И когда он возвращаясь из очередной командировки говорил, что скоро вы все будете работать на персоналках на него смотрели не то, что как на мага и чародея, а как на фантаста, вроде Герберта Уэллса. А теперь, мы ничему не удивляемся и работаем на персональных компьютерах, которые даже лежат у нас в кармане. Но тогда это было равносильно чуду, и никто не мог подозревать такое мощное развитие электронных технологий, что за какие-то 60 лет они сделают такой гигантский скачок.

Один из знаменитых ученых и друзей Андрея Петровича – Эдсгер Дейкстра (алгоритмы Дейкстра). С ним он встречался на заседаниях программного комитета Конгресса Международной Федерации по обработке информации. Конгрессы проходили в Австралии и в Японии, куда собирався не только весь цвет академический, но и предпринимательский, промышленный. И Ершов каждый раз представлял нашу страну на таких Конгрессах, конечно в числе других наших ученых.

Еще одно очень интересное мероприятие. Возможно вам приходилось слышать, что «алгоритм» и «алгебра» – это слова которые родились еще в донаучную эру, благодаря узбекскому ученому Аль-Хорезми (9 в н.э.), человек, который принес алгебру в Европу. Все его трактаты начинались со слов «Аль-Хорезми диксит» (Аль-Хорезми сказал) и это сло-

восочетание на европейских языках транслировалось в слово «алгебра». В 1979 году отмечался день рождения Аль-Хорезми и с помощью Ершова и Дональда Кнута (американского математика) было устроено научное паломничество в Узбекистан – очень представительное собрание лучших математиков мира, где обсуждалась биография Аль-Хорезми, математические новинки и все, что связано с математикой, в прикладной области. И здесь впервые прозвучал лозунг, что «Математика и ее приложения едины!»

Естественно, что и зарубежные и наши отечественные ученые приезжали в Новосибирск, чтобы пообщаться с Ершовым, поработать в его коллективе. Среди них был и француз Бертрана Мейера, который сейчас работает в Казани. Во Франции люди уходят на пенсию в 63 года, а Мейеру захотелось еще поработать, и он поехал в Казань где сейчас преподает. А Мисахиро Миякава два с половиной года работал в отделе Андрей Петровича, овладевал искусством теоретического программирования. Они оба были очень успешные ученые, которые до сих пор занимаются вопросами программирования.

В 1976 году Андрей Петрович был удостоен звания выдающегося члена Британского компьютерного сообщества. За 18 лет существования этого общества, честью быть принятым (на тот момент) удостоилось 2 английский и 3 иностранных специалиста, внесших основополагающий вклад в развитие информационных технологий, программирование,

вычислительной техники. Во время британского тура, в который он поехал через два года после награждения, он прочел цикл лекций, которые были изданы на английском языке.

Но Андрей Петрович, не только был необыкновенным ученым, великолепным организатором науки, основателем школы программирования, он еще был широко образованным человеком: любил театр, музыку, писал стихи, переводил стихи. Один из первых его стихов баллада «IF» Киплинга, в которой повествуется как человек преодолевает трудности. Он играл на гитаре, прекрасно пел.

Вот черновик перевод Ершова той самой баллады Киплинга «IF», «Когда ты держишься и все в своем смятенье теряют голову кляня тебя за это. Когда ты тверд, внимаешь всем сомненьям...» и т.д. Чем отличается его перевод от других? Андрей Петрович в конце пишет «Когда ты все преодолеешь, тогда мой сын мужчиной станешь ты». А в других переводах обычно пишут «Тогда, мой сын, ты станешь человеком». Т.е. он уходит от биологического уровня, на человеческий к аллюзии возмужания.

Сейчас у нас в Вычислительном центре Новосибирского Академгородка, с периодичностью в 3-4 года проводится Ершовская конференция «Перспективы систем информатики», на которой собираются выдающиеся теоретики всего мира. Если вы услышите об этой конференции, вы тоже можете стать ее участником, гостем, слушателем. И именно на ней можно узнать все самое свежее из мира программирова-

ния.

Завершить свой рассказ мы бы хотели цитатой из А.П. Ершова, в которой он говорит о профессии программиста, каким тот должен быть : «программист должен обладать способностью первоклассного математика к абстракции и логическому мышлению в сочетании с эдисоновским талантом сооружать все что угодно из нуля и единицы.

Он должен сочетать аккуратность банковского клерка с проникательностью разведчика, фантазию автора детективных романов с трезвой практичностью бизнесмена.

А кроме того, программист должен приобщаться к корпоративным интересам, иметь вкус к коллективной работе, понимать цели работ и многое другое»

(Статья «О человеческом и эстетическом факторах в программировании», 1972.)

И если подумать, то действительно, программист должен быть суперменом в своей профессии. Ведь до сих пор, не смотря на то, что эта профессия стала массовой она значительно почитается в обществе. И сейчас ни одна область деятельности не обходится без участия людей, которые либо разбираются в архитектуре машин, либо в ее программном обеспечении, на каком бы уровне это не происходило!

Валентин Афанасьевич Коптюг

09.06.1931 – 10.01.1997

Валентин Афанасьевич выдающийся российский химик, организатор науки, человек, возглавивший Сибирское отде-

ление РАН в один из самых трудных периодов.

Валентин Афанасьевич Коптюг – личность яркая, незаурядная, и рассказов о нем, его жизни, творчестве, научных открытиях и достижениях, его предложениях к развитию страны и человечества могли бы хватить на целый год.

Представьте себе человека, который владеет талантом внимательно и не перебивая выслушать Вашу точку зрения, понять Вас, а затем в нескольких коротких, простых и понятных словах убедить Вас в правильности противоположной позиции, вскрыв ряд заблуждений, логических несоответствий, внутренних противоречий. Валентин Афанасьевич прекрасно умел и слушать, и убеждать.

Не следует полагать, что Валентин Афанасьевич был мягким человеком. Его указания всегда были четкими, конкретными и обязательными к исполнению – безответственности, расхлябанности и недобросовестности он не терпел – и потому его отношение к неряхам, лентяям, лодырям и невеждам было жестким и непримиримым.

Родился в 1931 г. в маленьком городе Юхнове Калужской области. Этот город, мигрировал туда-сюда, между Калужской областью и Белоруссией. И поэтому Коптюга считают уроженцем Белоруссии, в которой очень гордятся своим прославленным земляком. Отец – служащий, был начальником районного управления. Мать работала на телеграфе. В 1938 г. семья переехала в Смоленск. Вскоре отца арестовали, судьба его была долгое время неизвестна. Потом узна-

ли, что он был расстрелян.

Реабилитировали отца посмертно много позже, в 1956 г., так что Коптюгу довольно значительный период пришлось жить с клеймом сына врага народа, что повлияло на его судьбу.

В 1941 г. после прихода в Смоленск фашистов началась эвакуация, братьев направили в Тамбов. Мать должна была содействовать эвакуации и потому осталась, позже уходила из Смоленска пешком, добиралась до Москвы на попутных машинах. Вместо Тамбова братьев привезли в Сталинград. Там их и нашла мать. Поздней осенью, когда Сталинград стали бомбить, все трое поехали с эшелоном в Фергану, а попали к концу года в Самарканд.

Отсюда Володя ушел на фронт и погиб в 1944 г.

Мама с Валею остались одни. Она работала, а Валентин учился в школе, посещал Станцию юных техников, где были изумительные преподаватели из эвакуированных. «Я был очень увлечен всем тем, что приходилось делать на Станции юных техников, вообще как-то интересовался всем происходящим». Учителя очень хорошо отзывались об этом ученике и дали ему по окончании учебы прекрасную характеристику. Валентин Афанасьевич окончил школу с золотой медалью в 1949г.

Валентин Афанасьевич по его собственным воспомина-

ниям химиком стал случайно. «У меня был приятель, старше на один год. Он увлекался геологией, и я с ним довольно много болтался по горам под Самаркандом – уезжали на велосипедах, ставили там палатку, ходили, собирали разные минералы. Он поступил сначала в Узбекский государственный университет, а когда я кончил школу, а он – первый курс, он меня подбил уехать учиться в Москву на геологический факультет. Я согласился, мы уже билеты купили. В последний день он говорит: «А я, знаешь, не поеду». Я, конечно, плохо себе представлял, как поеду один, но, тем не менее, поехал. У меня было некоторое подспорье, придававшее мне смелость: я кончил школу с золотой медалью, поэтому думал, что все будет нормально.

Приехал, сдал документы в Московский государственный университет. На следующий день или через два надумал, пошел туда и сказал: «Слушайте, я не все написал в автобиографии. У меня отца в 1938 г. расстреляли». Члены комиссии начали поеживаться: «Знаешь, ты лучше возьми документы и иди куда-нибудь в другое место поступать». Тогда я пошел в Менделеевский химико-технологический институт. Там специальности «геология» не было, решил стать химиком. Пришел в приемную комиссию к председателю и говорю: «Вот у меня аттестат, который дает мне право поступить к вам без экзаменов. Но есть одно обстоятельство, вот такое и такое. С отцом проблемы». Они сказали: «Так это с твоим

отцом, а не с тобой проблемы». Так я оказался химиком».

Во время обучения Коптюг в общежитии не жил, снимал комнату у знакомых. Это позволяло как-то больше сосредоточиться на учебе.

Стипендии, конечно, не хватало – за квартиру нужно было платить. Помогала мать, присылала деньги из Самарканда. Окончил Московский химико-технологический институт с отличием. Здесь он познакомился с будущей супругой, Ириной Федоровной Михайловой – они учились в одной группе.

В аспирантуру поступил с некоторыми трудностями. Клеймо сына врага народа – это была серьезная вещь. Но его учитель, академик Николай Николаевич Ворожцов – он тогда был просто профессором кафедры, – дошел до самого верха, чтобы позволили принять меня в аспирантуру. Он был принят, кончил аспирантуру в 1957-м.

Тогда же мать переехала из Самарканда ко нему. Она продала там полдомика и купила здесь треть дачки под Москвой, в Пушкино. До отъезда в Новосибирск (поздней осенью 59-го) они жили на этой дачке. Коптюг ездил на работу в электричке, там было очень удобно работать. Он тогда подрабатывал в реферативном журнале. Утром сядешь, едешь 45 минут, смотришь – одну статью прореферировал. Вече-

ром – то же самое. Это были и заработок, и приобретение определенных профессиональных навыков – изложить мысли кратко, сделать из большой статьи выжимки.

А потом произошло это событие – создание Сибирского отделения. Попытка (и она оказалась успешной) создать научную базу для освоения природных ресурсов Сибири и развития ее производительных сил. Его учителя Николая Николаевича Ворожцова пригласили возглавить Институт органической химии. Одним из первых он позвал с собой Валентина Коптюга. Сначала предполагалось, что центр будет в Иркутске. Все согласились поехать. Потом сказали: «Нет, не в Иркутске, а в Новосибирске». Поскольку в Сибири никогда не бывали, то для них это было совершенно все равно.

Перед Коптюгом на тот момент открывалась блестящая перспектива в столице, однако в 1959 году вместе со своим учителем, академиком Н.Н. Ворожцовым, он приезжает в новосибирский Академгородок, в Институт органической химии. Здесь он прошёл путь от младшего научного сотрудника до учёного с мировым именем.

Хорошо отражает талант В.А. Коптюга его научный рост. В 29 лет он организует лабораторию, в 34 – становится доктором наук, в 37 – членом-корреспондентом, в 48 – действительным членом Академии наук.

Пока Коптюг был директором НИОХ он успел:

- организовал новые лаборатории

- оснастил институт компьютерами (на тот момент невиданна роскошь) на которых моделировали химические эксперименты. К 1978 г. химики накопили огромный материал (несколько миллионов соединений), что в принципе они могли бы найти ответы на значительную часть интересующих их вопросов (особенно прикладных) без проведения новых исследований. Однако практически они этого сделать не могут – именно из –за гигантского объема информации. Только использование ЭВМ, которые позволяют быстро перестраивать и анализировать большие массивы информации по требованию исследователя, открывает выход из этой парадоксальной ситуации.

- наладил международные связи с ведущими научными центрами мира

- рост научных кадров

В 1966 году В. А. Коптюг назначен главой кафедры органической химии Новосибирского государственного университета, которую возглавлял 15 лет и где читал самые передо-

вые для своего времени лекции. Свидетели говорят, что половина Академгородка приходила на них, чтобы узнать, что нового происходит в органической химии.

В 1978 году В.А. Коптюг занял пост ректора Новосибирского государственного университета. Его ученики вспоминают, что Валентин Афанасьевич никогда не ставил плохих отметок своим студентам. Он умел таким образом задавать вопросы, что молодой человек, даже не очень уверенный в своих знаниях, мог спокойно на них ответить. Позже из этого сформировался своеобразный «коптюговский» принцип отношения к людям – искать в каждом и акцентировать его сильные, хорошие стороны.

За годы преподавательской и исследовательской деятельности он создал крупные научные школы в области органической химии и химической информатики. Под его научным руководством было защищено 53 кандидатских и 7 докторских диссертаций.

В 1980 году, В.А. Коптюга избрали председателем Сибирского отделения АН СССР. Он стал третьим председателем СО РАН (после Лаврентьева и Марчука). В этом же году он был избран вице-президентом АН СССР.

Коптюг, талантливый ученый, искренне, всей душой увлеченный химией, вынужден был фактически оставить научные изыскания и заняться организаторской работой. Отныне

его задача заключалась в том, чтобы создать для остальных ученых сибирского отделения подходящие условия для плодотворной работы и развития.

На его долю выпал самый тяжёлый период в жизни Отделения, связанный с ломкой государственной системы, кризисным положением экономики страны и стремительным разрушением отечественной науки.

17 лет на посту председателя СО РАН В.А. Коптюг вёл огромную работу как учёный и гражданин по развитию науки в Сибири, а в последнее пятилетие – по её спасению от развала, способствовал увеличению вклада науки в экономику, образование, культуру Сибири и страны в целом. В тяжелейших условиях лихорадочного реформирования страны он предлагал новые модели развития, находил неординарные пути спасения академической науки. Коптюг принимал самое активное участие в жизни страны и мирового сообщества, болезненно переживая все трудности общества, как в жизни так и в науке.

Большое внимание Валентин Афанасьевич уделял проблемам экологии в Сибири. Он был одним из главных авторов идеи составления экологических паспортов предприятий, в частности учеными СО РАН такие паспорта были составлены для Новосибирского оловозавода, ТЭЦ-3, Чернореченского цементного завода в Искитиме, всех предприя-

тий Байкальского региона.

Валентин Афанасьевич работал по 12 часов в день и в буквальном смысле слова «сторел» на работе. Когда он умер, оказалось, что за 17 лет у него остались неиспользованными 650 дней отпуска – почти 2 года жизни.

Увековечивание памяти:

Память о В. А. Коптюге увековечена в [мемориальной доске](#) на здании Новосибирского института органической химии.

В [Новосибирском Академгородке](#) в его честь назван [проспект](#), на котором установлен бюст учёного за авторством московского скульптора [В. М. Клыкова](#).

Коптюг назван в числе двадцати пяти наиболее достойных граждан XX века Новосибирской области.

Его имя носит научно-исследовательское судно на [Байкале](#).

[Мэрией](#) г. Новосибирска учреждена студенческая стипендия им. В. А. Коптюга, СО РАН – премия для молодых ученых.

В 1999 г. Академией наук Беларуси и СО РАН учреждена премия им. В. А. Коптюга за лучшую совместную научную работу.

С 6 по 10 июня 2011 г. в Новосибирском Академгородке на базе Института органической химии СО РАН прошла международная научная конференция «Current Topics in Organic Chemistry», посвящённая юбилею В. А. Коптюга.

В 2011 г. был выпущен почтовый конверт России, посвященный Коптюгу

Прожить жизнь ради других людей – в отношении академика Коптюга это не просто красивые слова, а правда жизни. Его личность прочно вошла в историю Академгородка, Академии Наук, в том числе и Сибирского отделения, а также мирового научного сообщества. Коптюг, как истинно талантливый человек, был талантлив во всем. И память о нем всегда будет жить в сердцах тех, кто имел счастье знать его лично, а у остальных он заслужил вечное уважение своими делами.

Самсон Семенович Кутателадзе

(18.07.14 – 20.03.1986)

Самсон Кутателадзе родился в Санкт-Петербурге (а по сведениям его родных, под Санкт-Петербургом) 18 (31) июля 1914 г., незадолго до переименования города в Петроград. Отец, Семен Самсонович Кутателадзе, был дворянского происхождения, учился в Петроградском университете, служил офицером. Его предки жили в Грузии, в селении под Кутаиси. Мать, Александра Владимировна Беленькая, вышла из сословия мещан. В 1917 г. молодая семья Кутателадзе переехала в Грузию, а в 1922 г. мальчик вместе с матерью вернулся в город на Неве, переименованный через два года в Ленинград. О родителях известно немного. Отец,

оставшись жить с новой семьей в Батуми, в 1937 г. был репрессирован и погиб, а впоследствии реабилитирован. Мать работала медсестрой (акушеркой), пережила блокаду Ленинграда и умерла в 1944 г.

Поскольку семья жила трудно (мать работала медсестрой), Самсон сразу после 8 класса средней школы №193 поступил в техникум при Институте высоких давлений и одновременно пошел работать подручным слесаря на завод «Химгаз» (14 лет, 1928 г.).

Еще подростком он помогал своему дяде, известному инженеру Н.А. Тайпале, в тепловых расчетах проектируемых систем отопления. Возможно, это обстоятельство повлияло на решение юноши перевестись в теплотехникум при Ленинградском областном теплотехническом институте, более известном как Центральный котлотурбинный институт (ЦКТИ).

В ЦКТИ Самсон Кутателадзе с 17 лет трудился лаборантом, техником, инженером и очень рано проявил способности к научной работе. И уже 1933 г. (в 19 лет) он осуществил первое комплексное моделирование теплового режима подземных трубопроводов горячей воды на мелкомасштабных моделях. Актуальность проблемы была обусловлена началом строительства в СССР крупных теплофикационных систем.

Всесоюзную известность молодому исследователю принесли работы довоенных лет по теплообмену при изменении агрегатного состояния.

Его первая научная статья была опубликована в 1934 г. (Самсону 20 лет), а в 25 лет молодой ученый становится автором монографии «Основы теории теплопередачи при изменении агрегатного состояния вещества» – первой книги в мировой литературе на эту тему. Поражает тот факт, что серьезные достижения в науке совершил не только совсем молодой человек. Но к тому же не имевший тогда высшего образования. Это объясняется несколькими следующими факторами:

1) Самсон Семенович много работал самостоятельно, даже в годы войны, будучи в армии, находил время для занятий физикой и математикой, работал над рукописями книг и статей.

2) Его научные инициативы поддерживали крупные ученые того времени: В.Н. Шретер, М.В. Кирпичев, М.А. Старикович.

3) Молодой Самсон Семенович смог окружить себя группой таких же ученых-энтузиастов.

В молодые годы из 40 его работ было опубликовано 25. И все они ознаменовали настоящий прорыв в мировой науке. Впервые проявилась его исключительная способность, выбирать такое направление наук, которое сегодня мало кого интересует, но от которого завтра может зависеть научно-производственный потенциал государства. Мало кто понимал, что нужды новой техники, а в особенности атомной энергетики и систем охлаждения ракетных двигателей, уже

вскоре заставят изучать эти вопросы очень подробно. И в этом смысле теплофизика Самсона Семеновича Кутателадзе можно сравнить с такими физиками-ядерщиками, как Бор и Курчатов.

К довоенному периоду относится и такое значимое событие в жизни любого человека, как создание семьи. В 1939 г. Самсон Кутателадзе женился на сотруднице ЦКТИ Лидии Шумской, в семье родилась дочь Елизавета (1939 г.), которая потом стала химиком-технологом.

Кутателадзе один из ученых Сибирского отделения РАН, который прошел всю войну, и служил в рядах Советской Армии начиная с 1941 года по август 1945 года.

В январе 1941 г. Самсон получил повестку явиться в военкомат и его призвали на военную службу в общем порядке, так как у него не было высшего образования и потому не было отсрочки от службы. В годы Великой Отечественной войны С.С. Кутателадзе участвовал в боевых действиях в составе Морского десанта Северного ВМФ как командир пулеметного отделения, был ранен, затем служил в инженерных службах тыла 14-й армии.

Из воспоминаний однополчан (Блюмкина, Н.Л. Михайлова, Р.З. Лист): «Осенью 1941 г. после тяжелого ранения к нам поступил ефрейтор Самсон Семенович Кутателадзе. Став после излечения нестроевым, он был назначен на должность начальника квартирно-эксплуатационной части (КЭЧ) нашего госпиталя. Получив назначение, он весьма серьезно

приступил к своим обязанностям: тщательно занимался подготовкой помещений для пребывающих раненных, ремонтом, кухней, котельной и пр. ... Наш начальник КЭЧ был молодым красивым человеком, обращал на себя внимание интеллигентностью, воспитанностью и образованностью... Круг его друзей был весьма широк: он был любим и уважаем всем коллективом госпиталя и находившимися на излечении ранеными.

В дальнейшем он был с повышением в должности переведен в г. Мурманск и аттестован в офицерское звание....

После окончания войны он всех нас, своих фронтовых друзей разыскал... Впоследствии нас восхищал его быстрый рост от кандидата наук до академика, его одержимость в работе. Мы гордились им. До конца жизни он был верен фронтовому братству.»

После окончания войны Самсону Семеновичу предлагали остаться в армии. В августе 1945 к Кутателадзе в Мурманск приехала жена Лидия Шумская-Кутателадзе, обсудив ситуацию Самсон Семенович обратился к Верховному Главнокомандующему.... И было принято решение демобилизовать его из армии. В этом же году у семьи родился сын, Лидия хотела назвать его Аликом, но Самсон сказал, что у грузин есть обычай первого сына называть именем деда.... Так появился Семен Самсонович. Ныне он известный ученый-математик. Для создания презентации о биографии своего отца Семен Самсонович передал нам много редких фотографий отца из

семейного альбома, за что мы ему очень благодарны.

После демобилизации в 1945 г. Самсон Кутателадзе вернулся в ЦКТИ, участвовал в восстановлении лаборатории по теплообмену при кипении и конденсации. Были продолжены исследования термодинамики газожидкостных систем и получены результаты, завершившиеся созданием гидродинамической теории кризисов кипения. Эта теория получила международное признание и считается одним из выдающихся вкладов отечественной науки в теорию теплообмена. В 1949 г. вышла книга С.С. Кутателадзе «Теплопередача при конденсации и кипении», а ее расширенная версия 1952 г. переведена и опубликована Атомной комиссией США.

Параллельно шла другая, не менее важная работа в Атомном проекте. В 1946 г. Самсон Кутателадзе получил предложение от сотрудников Курчатовского института организовать в ЦКТИ первую в СССР лабораторию по изучению жидкометаллических теплоносителей для атомных установок. Привлечение в Атомный проект С.С. Кутателадзе объяснял следующим образом: «Те наши работы, которые до войны некоторые мои старшие коллеги по ЦКТИ называли абстрактными и бесполезными, оказались в определенном смысле на острие термогидродинамических проблем реакторостроения».

В послевоенный период отсутствие диплома о высшем образовании стало серьезным препятствием для дальнейшего роста ученого. Долго не хотел Самсон тратить время на сдачу

экзаменов для получения диплома об окончании вуза: «Ведь получил же Яков Зельдович степень доктора, а потом и академиком стал, не имея диплома об окончании вуза...» Но поняв, наконец, что в Советском Союзе, хоть ты и выполняешь исследования, которые достойны степени доктора наук, но «без бумажки (справки)» – все не действительно, он по настоянию жены Лидии поступил в Ленинградский заочный индустриальный институт. Известен почти анекдотичный случай. Когда Самсон Кутателадзе пошел сдавать экзамен по курсу «Теплопередача», который читали по его книге, преподаватель уточнил: «Вы сын Кутателадзе?», на что экзаменуемый ответил: «Нет, это я сам!». Преподаватель ничего не стал спрашивать – экзамен на этом завершился. За три года сдал экстерном все экзамены за полный вузовский курс и в 1950 г. окончил Ленинградский заочный индустриальный институт по специальности «Теплоэнергетика» и получил квалификацию инженера-теплотехника.

В этом же году он защитил кандидатскую диссертацию (которая была написана еще до учебы), в которой изложил результаты исследования проблемы кризиса кипения при свободной конвекции жидкости. Через два года последовала защита докторской диссертации, обобщающая итоги исследования теплообмена в двухфазных средах. Середина 50-х гг. XX в. становится для С.С. Кутателадзе временем всеобщего признания научных заслуг. Курс лекций, который он читал в Военно-морской академии им. А.Н. Крылова, в 1954

г. был оформлен в книгу «Основы теории теплообмена», которая выдержала несколько изданий в СССР и опубликована за рубежом. В этом же году ученый утверждён в звании профессора по специальности «Физическая теплотехника», назначен начальником физикотехнического отдела ЦКТИ.

В завершающем ленинградский период 1958 г. он опубликовал уже упомянутую монографию «Жидкометаллические теплоносители», которая подвела своеобразные итоги исследований по атомной тематике, а также вместе с коллегами представил доклад по этой проблеме на II Международную конференцию по мирному использованию атомной энергии в Женеве. Опубликованы монография «Гидравлика газожидкостных систем» (в соавторстве с академиком М.А. Стыриковичем), серия статей в ведущих отечественных журналах. Таким образом, в 1940–1950-е гг. С.С. Кутателадзе мощно заявил о себе как об ученом, по инициативе которого были начаты исследования в актуальных разделах теплофизики и теплотехники.

Оборотной стороной успешной деятельности С.С. Кутателадзе стало неприятие его некоторых концепций оппонентами из числа московских теплоэнергетиков. Инициатором дискуссии выступил член-корреспондент АН СССР Г.Н. Кружилин, разногласия с которым по проблеме кризиса кипения возникли еще во время защиты докторской диссертации Самсона Кутателадзе. Он был слишком талантлив и слишком молод (доктор технических наук в 38 лет!!!) Тучи

не замедлили сгуститься ... В дирекцию ЦКТИ поступило заявление от Кружилина, в котором было написано, что теоретические разработки С.С. Кутателадзе являются проявлением *идеализма* в физике... Зам. директора ЦКТИ к.т.н. А.А.Канаев создал комиссию для подготовки материалов по «делу Кутателадзе», которая отправила запрос в ряд отраслевых организаций о востребованности работ С.С. Кутателадзе. В ответ были получены десятки положительных отзывов. Однако моральный климат в ЦКТИ оставался для Самсона Кутателадзе неблагоприятным. Но судьба подарила С.С. Кутателадзе шанс кардинально изменить свою жизнь... Правительство СССР 05.05.57 приняло решение о создании в Новосибирске Сибирского отделения АН СССР во главе с академиком М.А. Лаврентьевым. В числе институтов, которые должны были быть созданы в Сибирском отделении, был специализированный Институт теплофизики. Занять должность заместителя директора по науке и создать этот институт академик Лаврентьев в 1958 г. предложил С.С. Кутателадзе. Немного поколебавшись Самсон Семенович принял это предложение. В апреле 1959 г. он ушел из ЦКТИ и уехал из Ленинграда навсегда. Вместе с ним уехала целая группа молодых сотрудников института, его учеников. Новосибирск был далеко, находясь там, он уже никому не мешал, и «дело об идеализме» в ЦКТИ потихоньку заглохло.

Так начался новый период в жизни Самсон Семеновича – работа по созданию первого специализированного Институ-

та теплофизики в Сибири – первого в мировой практике.

Сам Самсон Семенович говорил, что разделяет на 3 разных по продолжительности, но равных по значению для формирования его как личности этапа: работа в ЦКТИ, служба в армии и работа в Сибирском отделении.

С.С. Кутателадзе был принят на работу в ИТ в конце 1958 г., президиум СО АН СССР утвердил его в должности замдиректора института 7 января 1959 г., президиум АН СССР – 11 декабря 1959 г. Самсон Кутателадзе с воодушевлением воспринял это назначение, поскольку отчетливо понимал, что «развитие теплофизики требовало совершенно иных масштабов и качества исследований», нежели в отраслевых учреждениях. Новый институт он видел учреждением, проводящем на современном уровне исследования по проблемам гидрогазодинамики, энергетики, турбулентности, тепломассообмена. Феномен Кутателадзе состоял в глубине его научной интуиции и способности определить задачи на перспективу. Эти качества, по современным оценкам, объяснялись тем, что ученый «прошел ленинградскую школу ... интеллектуального центра, где он общался с людьми уровня нобелевских лауреатов».

Первым поручением для С.С. Кутателадзе в новой должности стала задача концептуального оформления одного из основных научных направлений ИТ и подбора специалистов в европейской части страны. Дали согласие на работу в ИТ уже известные специалисты из Москвы А.И. Леонов и Е.М.

Хабахпашева, которых радовала перспектива работы в первом в мире специализированном Институте теплофизики.

Работа в академическом институте Сибири открыла новый период в жизни и карьере Самсона Кутателадзе. В 1960 г. определились руководители научных направлений и структура ИТ. Отделы молекулярной физики, физики конденсированного состояния вещества, тепломассообмена возглавили, соответственно, члены-корреспонденты АН СССР И.И. Новиков и П.Г. Стрелков, д.т.н., профессор С.С. Кутателадзе. Казалось бы, что такой тандем ученых, известных своими выдающимися достижениями в «досоановский» период, должен был обеспечить успешный старт развития института. Однако на деле этого не произошло. Проблема сложных взаимоотношений лидеров на организационном этапе ИТ нуждается в дополнительном исследовании. Современники видят причины такого положения в расхождении во взглядах на будущее института и в самой ситуации, когда «на узкой административно-спортивной дорожке» оказались ученые «очень разного плана».

Тем не менее, стартовые возможности для работы в Новосибирском научном центре оказались уникальными. В начале 1960-х гг. под руководством С.С. Кутателадзе и при участии А.И. Леонтьева были начаты исследования термогидродинамических процессов при кипении жидкости и турбулентного переноса в газодинамических пограничных слоях.

Не смотря на сильную занятость в первые годы пребывания

ния в Новосибирске Самсон Семенович много ходил на лыжах (причем без палок – привычка, приобретенная в годы Отечественной войны на Карельском фронте), любил плавать, играть в бадминтон.

При этом, Самсон Семенович очень плодотворно работал. В одной статье невозможно отразить все научное наследие С.С. Кутателадзе новосибирского периода, воплощенное в его публикациях. Назовем лишь некоторые из них. В книге «Моделирование теплоэнергетического оборудования» (1966, в соавторстве) систематизирован опыт, накопленный в отечественных организациях. В 1970-е гг. увидели свет монографии «Основы теории теплообмена» (в 1970 г. вышло 4-е издание), «Пристенная турбулентность» (1973). С конца 1970-х гг. деятельность С.С. Кутателадзе посвящена подготовке обобщающих монографий: «Основы теории теплообмена» (в 1979 г. вышло 5-е издание), «Анализ подобия в теплофизике» (1982), «Анализ подобия и физические модели» (1986).

У Самсона Кутателадзе были все основания претендовать на академический статус, тем более что такая перспектива была встроена в систему мотивационных стимулов для ученых, покидающих столичные города ради нового дела в Сибири. В отличие от многих коллег, С.С. Кутателадзе был избран членом-корреспондентом АН СССР только после нескольких попыток. Причиной «отторжения» были происки тех же оппонентов из среды московских теплоэнерге-

тиков, что и в ленинградский период. Только в 1968 г., когда в поддержку ученого в президиум АН СССР поступили десятки отзывов из НИИ, КБ, вузов, заводов, а в отзыве академика В.П. Глушко было подчеркнуто, что С.С. Кутателадзе – «крупный ученый-теплофизик, основатель школы теплопередачи и физической гидродинамики в Ленинграде и Новосибирске», он был избран членом-корреспондентом АН СССР. Действительным членом Академии наук СССР Самсон Кутателадзе был избран в 1979 г.

Руководство Сибирского отделения АН СССР с самого начала высоко ценило научно-организаторский потенциал С.С. Кутателадзе. Когда встал вопрос о назначении директора ИТ в 1964 г., этот пост было предложено занять 50-летнему Самсону Кутателадзе. В декабре 1964 г. он был избран директором на Общем собрании Сибирского отделения, 29 января 1965 г. президиум АН СССР утвердил его в этой должности. Представляя кандидатуру С.С. Кутателадзе Новосибирскому обкому КПСС, М.А. Лаврентьев подчеркнул, что ученый является «ведущим представителем советской школы теплофизиков».

После избрания С.С. Кутателадзе директором Института теплофизики его талант организатора науки раскрылся во всей полноте. Он определил вектор развития комплексных исследований по теплообмену при фазовых превращениях, гидродинамике и тепломассообмену многофазных течений, динамике разреженного газа, радиационно-кондуктивному

теплообмену. При директоре Кутателадзе институту более чем за два десятилетия удалось добиться впечатляющих результатов по этим направлениям.

По воспоминаниям В.Е. Накорякова, первого сибирского аспиранта С.С. Кутателадзе, впоследствии академика и директора ИТ, сплочение коллектива для выполнения важных задач происходило естественным образом: «С.С. Кутателадзе отличала исключительная работоспособность – он работал сам по 7–10 часов в день и, естественно, этому примеру следовали ученики. Он никогда не призывал нас много работать, мы работали сами, поскольку не могли не поддаться энергии, излучаемой этим человеком».

Усилиями директора Кутателадзе создана мощная экспериментальная база института. Комплекс крупномасштабных установок дает возможность институту участвовать в реализации крупных научно-технологических проектов, вносить заметный вклад в мировую науку:

– Прозорливым в плане перспективы оказалось решение С.С. Кутателадзе о создании в ИТ вакуумного газодинамического комплекса, оснащенного диагностическими средствами, для того чтобы изучать проблемы вакуумной техники и космонавтики на современном уровне.

– Директор Кутателадзе считал важной составляющей деятельности ИТ интеграцию не только с академическими, но и с технологическими организациями Советского Союза, в частности, в реализации проекта по созданию новых энер-

гетических установок. В 1964 г. организован отдел по проблемам низкотемпературной энергетики, в котором начаты исследования по проблемам использования геотермальных источников на Камчатке. В итоге на Камчатке был построен первый в стране крупный парниково-тепличный комбинат на геотермальных источниках и экспериментальная геотермальная теплоэлектростанция с фреоновым турбогенератором.

– Директор Кутателадзе придавал первостепенное значение проблеме кадров. Сотрудник ИТ И.Г. Маленков отмечал, что С.С. Кутателадзе уделял большое внимание научной молодежи, «выскивая, пестуя и поощряя подающих надежды, видя в них будущее института. Причем делать это он начинал еще на руководимой им кафедре Новосибирского государственного университета». Базовая для ИТ кафедра теплофизики в НГУ (с 1986 г. – кафедра физики неравновесных процессов) выпустила десятки высококвалифицированных специалистов, которые плодотворно работают в институте и других организациях страны и мира.

– Немало технических устройств, включая ядерный реактор Чернобыльской АЭС, окончили свое существование после открытия явления, имеющего такое безобидное название как «переход от пузырькового кипения к пленочному». Как известно, гидродинамическая теория кризисов кипения... создана Самсон Семеновичем Кутателадзе.

– С.С. Кутателадзе – основатель одной из ведущих науч-

ных школ по теплофизике и гидродинамике. С 1962 г. – С.С. Кутателадзе профессор и зав. кафедрой НГУ. Более 30 его учеников стали докторами наук, 60 – кандидатами. А уже учениками С.С. Кутателадзе подготовлено более 190 кандидатов наук.

Награды:

Вне всякого сомнения, именно сибирский период жизни стал для Самсона Кутателадзе временем реализации его творческих планов. Научная общественность по достоинству оценила заслуги выдающегося ученого еще при жизни. Его работы отмечены премией им. И.И. Ползунова АН СССР (1976), Государственной премией СССР (1983), многочисленными орденами и медалями. В 1984 году на 70-летнем юбилее Самсона Семеновича Кутателадзе, который проходил в Доме ученых, В.А. Коптюг в волнении несколько раз выходил из зала к телефону, но вот он зашел в зал улыбающийся. Все встали, зааплодировали и он объявил, что подписан Указ о присуждении Самсон Семеновичу звания Героя Социалистического Труда.

Приведу пример признания его заслуг за рубежом. Международная премия Макса Джейкоба присуждается за выдающиеся исследования в области теории теплоты. Учрежденная в 1960 г., она вручается один раз в год и только одному человеку. В 1970 г. на пленарном заседании 4-й Международной конференции по теплопередаче в Париже, в Версальском дворце С.С. Кутателадзе были торжественно вручены

диплом и медаль лауреата этой премии.

Увековечивание памяти:

Весомые заслуги второго директора ИТ Самсона Кутателадзе по развитию потенциала института стали основанием для увековечивания его памяти. В 1994 г., в год, когда академику Кутателадзе исполнилось бы 80 лет, его имя присвоено Институту теплофизики СО РАН. На фасаде здания установлена мемориальная доска, в холле института – бронзовый бюст.

Стипендией имени академика С.С. Кутателадзе отмечаются результаты студентов кафедры физики неравновесных процессов НГУ, премией его имени – научные изыскания молодых ученых СО РАН. Память об академике С.С. Кутателадзе сохраняется в названии одной из улиц новосибирского Академгородка, на которой находится Институт теплофизики.

Академик Самсон Кутателадзе ушел из жизни 20 марта 1986 г. после тяжелой болезни. Похоронен в новосибирском Академгородке, которому он щедро подарил около тридцати лет своей жизни. На памятнике выбиты слова из поэмы Шота Руставели: «Что отдашь – в тебе прибудет, что сокроешь – потерял». По свидетельству Лидии Шумской-Кутателадзе, ее супруг любил повторять эту фразу, потому что она была близка ему по характеру.

Алексей Андреевич Ляпунов

08.10.1911 – 23.06.1973

Алексей Андреевич Ляпунов родился 8 октября 1911 г. в Москве в семье, которая была связана родственными и дружескими узами с семьями выдающихся представителей русской интеллигенции того времени – Сеченовыми, Крыловыми, Филатовыми и другими. Семья представляла собой генеалогический феномен: столько знаменитых людей.

Его отец Андрей Николаевич Ляпунов, получил математическое образование в Московском Университете, а также в Гейдельберге и Геттенгене. Мать, Елена Васильевна была широко образованным человеком и посвятила свою жизнь воспитанию детей. Их в семье было 7. Старшим был Алексей Ляпунов. Общение с детских лет с высокообразованными людьми рано пробудило у него интерес и к искусству, и к различным наукам. Его увлекали астрономия, минералогия, биология, архитектура и живопись.

В 1928 году закончил специальную среднюю школу № 42. Некоторое время работал лаборантом в государственном геофизическом институте, выполняя математическую обработку геофизических и биофизических экспериментов. Участвовал в экспедициях по изучению Курской магнитной аномалии. Затем он поступает на физико – математический факультет Московского университета. Через полгода отказался подписывать коллективный призыв к сносу московских церквей и был отчислен из университета «как лицо дворянского происхождения».

С 1932 г. становится учеником академика Н.Н. Лузина. Под его руководством и составленным им программа Алексей Андреевич получил математическое образование, а вскоре и первые результаты в дескриптивной теории множеств. В этой области математики А.А. Ляпунов работал до конца жизни.

В 1942 году Алексей Андреевич отказывается от брони и добровольцем уходит в ряды Советской армии. Его направляют в пехотное училище, которое он заканчивает в 1943 году. С 1943 по 1945 гг. он находится в действующей армии в качестве командира топографического взвода артиллерии. Принимает участие в боях на 4-ом Украинском, 3-м Белорусском и 1-ом Прибалтийском фронтах. У матери Алексея Андреевича Елены Васильевны на фронте одновременно воюют четверо сыновей: артиллерист Алексей, военврач Аскольд, морской пехотинец Ярослав и кавалерист Андрей. Аскольд и Андрей не вернулись с войны.

Случай из фронтовой жизни Алексея Андреевича.

Во время боя в районе Курской дуги, в штаб поступает донесение: «Командир топографического взвода дает координаты для стрельбы не те, что написаны в таблицах». Выяснилось, что командир этот еще и «лицо дворянского происхождения», а стало быть вредитель. После боя старший лейтенант Ляпунов, тот самый «вредитель» объяснил, что рядом Курская магнитная аномалия, которая влияет на точность прицела. Поэтому он как математик рассчитал поправ-

ки, с которыми и передавались координаты. Проверка показала, что расчёты Ляпунова били в цель, а уставные мимо. С тех пор артподготовка велась только с поправками Ляпунова. Алексей Андреевич был счастлив: «Вот пример того, что математик на войне необходим. Именно поэтому я и отказался от брони».

В марте 1945 года Алексей был отозван из действующей армии для преподавательской работы в Артиллерийской академии им. Дзержинского, где проработал до 1951 года.

За участие в боях по освобождению Крыма Ляпунов был награжден в 1944 году орденом Красной Звезды.

С 1951 года А.А. Ляпунов работал в математическом институте Академии наук СССР им. Стеклова, а с 1953 в Институте Прикладной математики РАН СССР, возглавляя в этих институтах работы по программированию. Ляпунов был одним из первых кто оценил значение кибернетики и стал активным организатором исследований по кибернетике в нашей стране. Но уже в 50 – х годах на пути этой науки стали философы, объявив ее «буржуазной лженаукой». Фронтвик Андрей Алексеевич прекрасно понимал, что грядущие войны без кибернетики не выиграть и поэтому привлек на свою сторону военных. Решающий бой был дан в аудитории МГУ. Первые два ряда заняли генералы, которые уже всюю использовали компьютеры и для которых все эти споры были глупостью. Но философы трусили и не один не

выступил.

Работы Ляпунова посвящены разработке общих вопросов кибернетики, математическим основам программирования и теории алгоритмов, математической лингвистики и машинному переводу, кибернетическим вопросам биологии, а также философским и методологическим вопросам развития научной мысли. Им создан операторный метод программирования, который получил широкое распространение в реальном программировании и оказал огромное влияние на все последующее развитие теории программирования.

Особенно большую роль в координации работ и формировании новых направлений исследований сыграл «Междисциплинарный семинар по кибернетике», организованный Ляпуновым в МГУ в 1956 году. Семинар объединил ученых различных специальностей. Он стал центром зарождения кибернетической мысли в нашей стране. Одновременно, с осени 1952 года Ляпунов работает на механико – математическом факультете МГУ в качестве профессора кафедры математической логики и вычислительной математики.

Большое внимание А.А. Ляпунов уделял пропаганде и распространению идей кибернетики. Для этого он основал издание серии сборников «Проблемы кибернетики».

В 1959 г. по инициативе А.А. Ляпунова при Президиуме АН создается Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика». По предложению А.А. Ляпунова председателем научного совета назначается выдающийся военный инженер

академик Аксель Иванович Берг, а А.А. Ляпунов становится его заместителем.

В 1961 году Алексей Андреевич приняв приглашение М.А. Лаврентьева и С.А. Соболева переезжает в Новосибирск во вновь созданное Сибирское отделение Академии наук, где по его инициативе создается Отдел кибернетики в Институте математики и кафедра теоретической кибернетики в Новосибирском университете. В 1970 г. Ляпунов переходит на работу в Институт гидродинамики СО РАН и организует в нем лабораторию кибернетики. Этой лабораторией он руководил до конца своей жизни.

Он был инициатором создания в 1962 г. первой в нашей стране физико-математической школы – интерната при Новосибирском университете, первым председателем ее Ученого совета и активным лектором. Он был также одним из организаторов Всесибирских математических олимпиад и летних физматшкол в Академгородке.

Награды:

В 1964 году А.А. Ляпунов был избран членом – корреспондентом Академии наук СССР по отделению математики. Научный, педагогические и организаторские заслуги А.А. Ляпунова отмечены правительственными наградами. Он был награжден: орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета».

Увековечивание памяти:

Память А.А. Ляпунова увековечена в истории Академго-

родка: в честь него названа улица в Новосибирском Академгородке, на здании Института математики СО РАН и физико-математической школы (ФМШ) установлены мемориальные доски.

Мешалкин Евгений Николаевич

(25.02.1916 – 08.03.1997)

Родился 25 февраля 1916 года в городе Екатеринославе (Днепропетровск). С 1918 по 1928 год жил в Ростове – на – Дону, где окончил 6 классов.

С 1928 по 1933 год жил в г. Москве, в 1930 году закончил школу – семилетку. В то время дорога в ВУЗ лежала через фабрично-заводское училище.

В 1931 – 1933 гг. – учился в школе фабрично – заводского ученичества завода «Серп и молот», получил специальность механика – наладчика прокатных станов. Евгений побывал на многих новостройках того времени.

В 1934 – 1935 гг. работает в тресте «Оргметалл». Большую часть времени проводит в командировках, на заводах в городах Егорьевск, Ижевск, Тула, Челябинск (Челябинский тракторный завод), в качестве технолога, конструктора.

В 1938 году, вернувшись в Москву, он однажды зашел на занятия к своему брату, студенту 2-го Московского мединститута, и остался на лекции известного советского гистолога Бориса Иннокентьевича Лаврентьева.

«Наступило прозрение: я понял, что медицина – это мир удивительных знаний, о которых мы, школьники того вре-

мени, не имели никакого представления», – вспоминал впоследствии Евгений Михайловичу

И уже в 1941 Евгений Николаевич учился на рабфаке во втором Московском медицинском институте. Одновременно работал в трестах «Оргкож», «Союзкинопроект» конструктором и младшим инженером, преподавал в медицинском училище.

Когда в 1941 году грянула война, студенты – медики за год до окончания института срочно получают дипломы – их уже ждут на передовой, в госпиталях. С отличием окончив институт, Евгений Николаевич Мешалкин был мобилизован в армию и отправился на фронт.

С 1941 по 1946 годы служил в Советской Армии младшим врачом в Кавалерийском полку (оборона Москвы и разгром немецких войск под Москвой). Участвовал в 6 – месячном рейде по немецким тылам в составе особой группы войск, где был заместителем начальника госпиталей этого соединения. При обороне Воронежа, во время боев на Курской дуге и освобождении Курска был ординатором, а затем ведущим хирургом медсанбат. При освобождении лево- и правобережной Украины, Киева, Кракова, Польши, Силезии и Чехословакии работал начальником хирургической группы усиления. Был награжден двумя орденами Отечественной войны II степени; Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими медалями. Принимал участие в боевых действиях Центрального фронта, 1 Украинского фронта, Юго – Запад-

ного фронта, Западного и 4 Украинского фронтов.

Малоизвестно, но именно в годы войны он «прошил» два своих первых шва на сердце.

«Может быть, для меня «началом» хирургии сердца была работа в медсанбате 60-й армии Воронежского фронта, когда в боях за город Курск в 1943 году в потоке раненых ко мне... попал боец с ранением левой половины груди... Сую палец в рану и затыкаю кровоточащее отверстие в сердце! Лихорадочно думаю... Надо наложить швы. В так работы сердца неумело вожу иглодержатель вверх и вниз, и вновь, и вновь, укол... Попал!.. Струйки крови сменяются ее просачиванием после затягивания шва. Второй шов уже наложен легче. Другого бойца с похожим ранением сердца я оперировал в 1944 году у Днепра, но тысячи, десятки тысяч раненых, проходивших через наш операционный блок, на время заслонили эти две операции и судьбу этих двух молодых мужчин. Но я все же запомнил на всю жизнь стремительность тех событий и лихорадочную подвижность раненого сердца».

С 1946 по 1956 г. – работал в факультетской хирургической клинике второго Московского государственного медицинского института (директор – академик А.Н. Бакулев) – ординатором, ассистентом, доцентом, профессором.

В 1955 году Мешалкин сделал то, на что в медицине было наложено табу: вскрыл грудную клетку больного с рассечением грудины и стал первым русским кардиохирургом, по-

лучившим широкий доступ ко всем отделам сердца.

Начиная с этого времени, никаких других операций, кроме операций на сердце, Е.Н. Мешалкин не выполнял, став ключевой фигурой развития хирургии пороков сердца в СССР по закрытым методикам.

Он первым в отечественной хирургии начал успешно оперировать детей с врожденными пороками сердца, одновременно проводя дальнейшую разработку диагностики и методов лечения пороков сердца и болезней сосудов. За работы в этой области в 1960 он удостоен Ленинской премии.

Впервые в Союзе внедрил интубационный наркоз (в 1947), зондирование и контрастное исследование сердца (в 1948 году). При внедрение контрастного исследования в общую медицинскую практику Е.Н.Мешалкин использовал мочеточниковые катетеры, допустимость использование которых доказал, выполнив на самом себе венозное зондирование сердца.

Отработав долгие годы в «Национальном медицинском исследовательском центре сердечно – сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева» защитил в 1953 году кандидатскую диссертацию, посвященную интубационному наркозу, а уже в 1956 году – докторскую.

В 50 – е годы выполнял экспериментальные операции на сердце; операции при врожденных пороках сердца. С этого времени он целиком посвятил себя грудной хирургии.

1 марта 1956 г. в Москве создан Институт грудной хирур-

гии АМН СССР, директором которого стал А.Н. Бакулев, а 31 марта его заместителем по науке был назначен Е.Н. Мешалкин. 1956 – 1960 гг. – заведовал первой в СССР кафедрой грудной хирургии.

Одновременно с 1957 года начал в г. Москве формирование будущего Научно – исследовательского института экспериментальной биологии и медицины Сибирского отделения Академии Наук СССР, который был развернут в 1960 году в г. Новосибирске, куда он и переехал на жительство. Работал директором и научным руководителем этого института и стал основателем мощной кардиохирургической школы.

Решение о создании Института было принято Постановлением Президиума АН СССР от 7 июня 1957 г. в числе первых десяти НИИ в составе СО АН СССР. Его первое название «Институт экспериментальной биологии и медицины СО АН» свидетельствует о первоначальной направленности коллектива на изучение общебиологических проблем.

В 1963 году институт передан в Министерство здравоохранения РСФСР, а 10 октября 1967 г. переименован в НИИ патологии кровообращения МЗ РСФСР. Основные направления научных исследований НИИ в последние 45 лет связаны с комплексной разработкой научных основ кардиохирургической помощи населению:

- вопросов патогенеза;
- функциональной диагностики;
- лечения и профилактики сердечно-сосудистых заболе-

ваний у детей и взрослых

– трансплантация органов.

В 1979 г. ННИИПК переезжает в собственное здание, которое занимает и сегодня.

Много оперируя в клинике с аппаратом искусственного кровообращения Е.Н. Мешалкин в то же время со своими помощниками успешно разрабатывает метод операций на «сухом» сердце без искусственного кровообращения. Именно в Новосибирске под его руководством удалось добиться эффективной защиты организма при отключении сердца до 75 минут при температуре 25 – 26 градусов С.

На протяжении почти 40 лет с бригадами врачей клиники более 60 раз выезжал Е.Н. Мешалкин в 54 города СССР (все крупные центры Сибири, Алтай и Дальний Восток, Норильск, Вильнюс, Рига, Ташкент, Алма-Ата, Тбилиси, Ереван и многие другие), где обучал выявлению больных, диагностике и выполнению кардиохирургических операций (впервые в этих городах). Во время такого декадника по городам Сибири, Евгений Николаевич в Иркутске познакомился со своей будущей женой Еленой Евгеньевной Литасовой, которая вскоре переехала в Новосибирск и тоже стала известным кардиохирургом.

Мешалкин много внимания уделял подготовке научных кадров. Под его руководством защищено 130 (в т.ч. докторских) диссертаций. Подготовлена целая плеяда ученых – кардиохирургов высшей квалификации.

Помимо этого, Е.Н. Мешалкин был членом ряда международных обществ хирургов и сердечно – сосудистых хирургов, Правления Всесоюзных обществ хирургов и кардиологов, почетным членом Всесоюзного общества анестезиологов и реаниматологов, ряда республиканских и областных обществ хирургов, кардиологов, анестезиологов, членом редколлегии журналов «Экспериментальная хирургия и анестезиология», «Кровообращение».

За успехи в медицинской науке и здравоохранении, подготовку высококвалифицированных кадров награжден орденом Ленина. Звание Героя Социалистического Труда ему присвоено 24 февраля 1976 года. В 1978 г. он становится действительным членом АМН СССР.

Академика Е.Н. Мешалкина – талантливого врача, выдающегося ученого – хирурга и кардиолога, заслуженного деятеля науки РСФСР (1966), неоднократно избирали в депутаты областного совета и Верховного Совета СССР.

До переезда Е.Н. Мешалкина в Новосибирск кардиохирургии на востоке СССР не было вообще – Институт экспериментальной биологии и медицины начинал свою деятельность с нуля. Уже к моменту открытия Институт госпитализации в его клинику ожидало около 300 пациентов с различными патологиями. Переехав в Новосибирск не только сформировал Институт хирургии патологий кровообращения, но и стал основателем мощной кардиохирургической школы.

Центр им. академика Е.Н. Мешалкина сегодня:

Одно из крупнейших медицинских научно – исследовательских учреждений России, оказывающий помощь пациентам по 5 профилям ВМП: «сердечно – сосудистая хирургия», «нейрохирургия», «онкология», «трансплантология», «педиатрия»;

Один из лидеров по количеству оказываемой высокотехнологичной медицинской помощи по профилю «сердечно – сосудистая хирургия», ежегодно выполняет более 14 тысяч операций (40 операций в день);

Медицинский центр, представляющий отечественную медицину и медицинскую науку на международном рынке услуг охраны здоровья.

Увековечивание памяти академика РАМН Е.Н. Мешалкина:

26 сентября 2003 г. был открыт памятник Е.Н. Мешалкину на территории ННИИПК. Памятник был изготовлен в Санкт – Петербурге в мастерской известного скульптора Геннадия Баграмяна.

На доме в котором жил Е.Н. Мешалкин, открыта мемориальная доска.

На территории института возведен памятный комплекс, посвященный выдающимся кардиохирургам и деятелям медицины.

Цитата Е.Н. Мешалкина:

«Каждый хирург рискует жизнью. Но не своей – чужой.

Острое ощущение владеет хирургом повседневно: твои руки могут исцелить, дать жизнь и здоровье, а могут и убить. Нет сравнения с тяжестью ощущения человека, рискующего ежедневно чужой жизнью...», – писал Е.Н. Мешалкин.

Ржанов Анатолий Васильевич

(09.04.1920 – 25.07.2000)

9 апреля 2021 г. выдающемуся ученому, академику Анатолию Васильевичу Ржанову исполнилось бы 101 год. Имя этого замечательного человека хорошо известно в научном мире. Но жителям нашего района и города, где он жил и работал, его имя малоизвестно или неизвестно вовсе.

Родился в г. Иваново – Вознесенске (с 1923 г. стал называться г. Иваново, сейчас это областной центр в европейской части России) в семье военнослужащего.

Его дед родился крепостным крестьянином графа Олсуфьева в г. Дмитрове недалеко от Москвы. За буйство и непокорство был вне очереди сдан в солдаты. Принимал участие в обороне Севастополя. Вернулся домой в 1880-х годах, построил дом на окраине Дмитрова, открыл лавку хозяйственных товаров, женился. Семья была большая, жили дружно. Большое значение в семье придавали образованию. Все дети окончили городское училище, пятеро сыновей работали на железной дороге в разных городах Российской империи.

Василий Михайлович Ржанов – отец нашего героя – родился 11 января 1894 года, был средним ребенком в семье. Чтобы помочь большой семье, начал зарабатывать деньги

еще обучаясь в городском училище. Сначала был певчим в церкви, затем начал работать на железной дороге. Из-за незнания второго иностранного языка не смог поступить в высшее военно – инженерное училище в Петербурге. Но поступил в Ташкентское юнкерское училище (где жил у брата), которое закончил в 1914 г. Принимал участие в сражениях Первой мировой войны. Октябрьская революция застала его на румынском фронте.

Участвовал в гражданской войне. В 1920 г. был назначен командиром отдельного полка, но в 1923 по доносу комиссара полка был отстранен от должности. После служебного расследования дело передали в военный трибунал. Удивительно, но Василий Михайлович был оправдан и к концу 1923 г. с него была снята судимость, однако, на прежнюю должность он не вернулся. После реабилитации был направлен на высшие военно – тактические курсы «Выстрел», по окончании которых весной 1925 г. был направлен в г. Владимир для прохождения службы.

Сменив несколько мест службы в 1934 г. Василий Михайлович был переведен в Ленинград, где продолжил службу помощником начальника военно – морского отряда подводного плавания. В 1939 г. принимал участие в формировании Военно – медицинской академии. Сначала возглавлял второй курс, а затем стал заместителем начальника Академии по строевой части. В июле 1941 г. командовал морской бригадой, сформированной из курсантов военно – мор-

ских учебных заведений. В ее задачи входила охрана ближних подступов к Ленинграду от возможных действий диверсантов и воздушных десантов.

В июле 1941 г. Василий Михайлович Ржанов принимал участие в формировании бригад морской пехоты. В октябре 1941 г. был назначен командиром 2-ой отдельной бригады пехоты (2-я ОБМП), которая занимала оборону на Ораниенбаумском пятачке.

Мать Анатолия Васильевича – Елена Викторовна Ржанова, происходила из старой дворянской семьи Смоленской губернии. Училась в московском Екатерининском институте благородных девиц. По окончании института поступила на специальные курсы делопроизводства на французском языке, затем поступила на службу в московскую городскую управу. После революции работала в российском телеграфном агентстве «Роста», преподавала немецкий и французский языки в артиллерийско-технической школе. После переезда в Ленинград поступила на курсы усовершенствования при Плехановском институте иностранных языков, по окончании которых до начала войны преподавала французский язык в Институте иностранных языков. После первой блокадной зимы Василий Михайлович забрал жену в свою бригаду, где она служила в финансовой части писарем.

Анатолий Ржанов, как сын военнослужащего, переменил много мест жительства, сменил несколько провинциальных школ, но закончил школьное образование в Ленинграде с

«золотым аттестатом». Школьные золотые медали были введены постановлением СНК СССР № 1247 от 30 мая 1945 г. До этого времени отличникам учебы выдавали аттестаты с золотой каймой. Они давали право на поступление в высшие учебные заведения без экзаменов и право на получение ценного подарка.

В 1937 г. Анатолий подал документы в приемную комиссию Индустриального института, который вскоре был переименован в Ленинградский Политехнический институт им. М.И. Калинина.

Нужно сказать, что еще в 1936 г. у Анатолия произошло столкновение с двумя парнями в районе Смоленского кладбища, в результате которого он получил ушиб лица в районе левого глаза, к сожалению, с последствиями – врачи диагностировали отслойку сетчатки глаза. Юноша перенес две операции, но полностью зрение не восстановилось.

В институте он успешно прошел курс вневойсковой военной подготовки и весной 1940 г. ждал присвоения звания младшего инженера – лейтенанта. Однако не прошел медкомиссию и был снят с учета в военкомате, как не подлежащий к службе в армии.

В мае 1941 г. Анатолий проходил практику в лаборатории завода «Севкабель». В июле вступил добровольцем в дивизию народного ополчения при «Севкабеле» (ДНО), был назначен командиром взвода, но отчислен врачами из состава батальона по состоянию здоровья. Тогда юноша принял ре-

шение о подготовке и защите диплома. В декабре 1941 года А. Ржанов защитил досрочно диплом с отличием Ленинградского политехнического института.

Первая блокадная зима стала для Анатолия и его матери тяжелейшим испытанием. Уже на склоне лет Анатолий Васильевич удивлялся тому, как плохо была подготовлена к военным лишениям их семья, учитывая тот факт, что родители пережили в своё время и голод, и разруху. В январе 1942 г. Анатолий принял решение добираться в бригаду отца на Ораниенбаумский пяточок через Лисий нос. Начфин 2-й ОБМП приготовил «липовую бумажку» с печатью и подписью о вызове специалиста наладки штабных раций, которая позволила беспрепятственно пройти все контрольные пункты по пути следования. В бригаде у отца Анатолий целый месяц отъедался и приходил в себя. По воспоминаниям Анатолия Васильевича в бригаде было создано несколько охотничьих команд, которые подстреливали лосей. В полосе обороны бригады протяжённостью более 24 км было несколько десятков небольших деревень и хуторов, население которых было эвакуировано ещё в августе 1941 г. Остались не убранные картофельные поля. Мороженный картофель шёл в пищу. Для предупреждения цинги всю зиму 1941-1942 гг. бойцов поили настоем из сосновой хвои. После того, как возвратились силы, Анатолий начал проводить теоретические и практические занятия с младшим командным составом – пригодились знания, полученные в институте в ходе военной

подготовки. Постепенно стал принимать участие в разработке разведывательных операций в разведотделе штаба бригады. Впоследствии, уже став известным учёным, академиком, Анатолий Васильевич подчёркивал, что деятельность фронтового разведчика – это не серия приключенческих трюков, это очень тяжёлый, систематический, изнуряющий труд.

Ежедневно полуголодные разведчики проходили 20-30 км по болотам, затем многочасовое лежание в этом же болоте для проведения глазомерной или инструментальной съёмки немецких позиций и систематическое наблюдение за поведением противника, выбор мест для незаметного подхода к огневой точке противника и захват пленного. За разработку нескольких операций по захвату пленных Анатолий был представлен к званию лейтенанта и назначен адъютантом командира бригады (т.е. своего отца).

В том же году во время одной из операций Анатолий получил контузию и полностью ослеп на левый глаз. Он сумел выехать в Ленинград к врачам-окулистам, где выяснилось, что есть признаки воспаления зрительного нерва левого глаза, которое может перейти на зрительный нерв правого глаза и полной слепоте. Врачи настаивали на срочной операции по удалению глаза. Василий Михайлович договорился с командованием флота и Анатолия самолётом вывезли в Москву в институт Гельмгольца, где удалили левый глаз. А ведь Анатолию в то время ещё не исполнилось 23 лет. Из армии его демобилизовали.

Как только позволило здоровье, он поступил в аспирантуру знаменитого Физического института АН им. Лебедева (ФИАН), которую блестяще закончил в 1948 г. Во время обучения около 4-х месяцев он работал в лаборатории члена-корреспондента АН СССР Бенциона Моисеевича Вула, которая занималась керамическими диэлектриками на основе титанатов. Анатолий начал исследование связи между диэлектрической проницаемостью и пробивной прочностью керамических материалов, работал добросовестно, увлечённо, по 14-16 часов в сутки. В это же время Анатолий познакомился с Еленой Сергеевной Крыловой, своей будущей женой.

И снова война. В ноябре 1943 года, оказавшись в результате поспешной эвакуации в Москву без тёплой одежды, он заболел тяжелейшим воспалением легких. После лечения в больнице с помощью Б.М. Вула получил командировку в Ленинград. В декабре 1943 г., пользуясь старыми связями, получил в штабе Ленинградского фронта командировочное предписание для поездки в бригаду к отцу, но уже в район Нарвы. Анатолий уговорил командование если не участвовать, то хотя бы «поприсутствовать» при намечавшемся наступлении для окончательного снятия блокады Ленинграда. Во время ожесточенного боя при захвате плацдарма на левом берегу реки Нарва бригада понесла большие потери, особенно в офицерском составе. По словам Анатолия Васильевича, «пришлось взять на себя» командование бывшей

его родной ротой разведчиков. В конце боя он снова получил тяжелую контузию и осколочное ранение в бедро правой ноги. За этот бой, несмотря на его явное «самоуправство», был награжден Орденом Отечественной войны 2-й степени. Слегка подлечившись в полевом госпитале, поспешил в ФИАН, но зато в зимнем обмундировании.

После возвращения в Москву начались серьезные осложнения полученных ранений и контузий. Снова попал в госпиталь, где пробыл на лечении в 1944-1945-х гг.. Затем была поездка в Крым в санаторий и на Рижское взморье. Во второй половине 1946 г. еще на костылях, а затем с палочкой начал работу в ФИАНе. 22 июня 1949 года (символично!) он защитил кандидатскую диссертацию по исследованию пьезоэлектрических свойств сегнетоэлектриков. Вскоре его пригласил к себе тогдашний директор ФИАНа и одновременно Президент АН Сергей Иванович Вавилов и предложил заняться исследованием полупроводников, которые, по его мнению, могут стать чрезвычайно интересными и полезными материалами в науке и технике уже ближайшего будущего. Ознакомившись с рекомендованной литературой, очень немного подумав и поверив прогнозам великого ученого, Анатолий Васильевич снова «ринулся в бой».

Анатолий Васильевич меняет профиль своих научных интересов и с энтузиазмом взялся за германий, из которого, судя по статьям, в США, изготовили полупроводниковый «транзистор».

Сначала создавался сам объект исследования – монокристаллический германий, а ведь в тот момент даже немного порошка этого редкого элемента с трудом удавалось достать. Создавались новые методики исследования, на ходу осваивались теоретические основы полупроводников.

Все последующие годы его жизни выглядела как «разведка боем». Он всегда горячо брался за решение новых, интересных и полезных для науки и страны, и никем не осуществлённых ранее задач. Под его руководством был создан один из первых советских транзисторов.

В 1962 г. по приглашению академика М.А. Лаврентьева с группой сотрудников ФИАНа переехал в Новосибирский Академгородок (сибирское отделение Академии наук СО АН), где организовал Институт физики твёрдого тела и полупроводниковой электроники (ныне – Институт физики полупроводников ИФП).

Как создать НИИ с нуля и сделать его лидирующим в своей отрасли, если тебе 42 года, научная тематика учреждения сравнительно молода, отношение к ней не слишком серьёзное, а располагаться институт будет в сердце Сибири?

► Получить предложение переехать из Ленинграда в Новосибирск — возглавить Институт физики твёрдого тела и полупроводниковой электроники, который есть пока только на бумаге. Согласиться.

► Уговорить коллег из ФИАНа составить тебе компанию, отправиться на новое место жительства.

► Выяснить в каких научных организациях огромной страны есть те специалисты, которые могут работать по тематике нового НИИ.

► Разослать приглашения во все подобные учреждения. Бинго! Молодые исследователи со всех концов страны приезжают в новосибирский Академгородок.

► Определить научные направления работы института (как выяснилось, актуальные и через полвека).

► Наладить сотрудничество с университетами – НГУ и НГТУ НЭТИ. Учить студентов самому, возглавить кафедру физики полупроводников в НГУ, читать лекции в НГТУ.

► Провести объединение двух институтов, и дать новому учреждению простое и звучное имя— Институт физики полупроводников.

► Внимательно изучать передовые научные практики.

► Начать исследования в области «атомной инженерии вещества», чтобы не «прозевать создание атомной бомбы в материаловедении».

► «Поставить» в институте технологию молекулярно-лучевой эпитаксии, создав весь комплекс сложнейшего оборудования, нужного для нее. Никто в СССР не производит сверхвысоковакуумные установки для молекулярно-лучевой эпитаксии. Их делают только в ИФП СО АН.

► Сотрудничать с производственными предприятиями. Например, специалисты института разработали энергонезависимые элементы памяти, их начинает выпускать НПО

«Восток».

► Обучать молодых специалистов, в том числе, направляя их в командировки в лучшие зарубежные центры

В числе учеников Анатолия Васильевича три члена-корреспондента РАН, десятки докторов и кандидатов наук.

У Анатолия Васильевича была дружная семья. В 1949 г. он женился. Его жена Ржанова (урождённая Крылова) Елена Сергеевна (17.08.1919-12.06.2010) – тоже физик. Пережила блокаду в Ленинграде, была эвакуирована и принята в аспирантуру ФИАН к С.И. Вавилову (Сергей Иванович). Дочь Елена проживает в Новосибирске, сын Юрий – физик, проживает в США.

Награды:

Орден «За заслуги перед отечеством 4-й степени;

Орден Ленина (08.04.1980);

Орден Октябрьской революции;

Орден Отечественной войны I степени (11.03.1985);

Орден Отечественной войны II степени (1945);

Медаль «За отвагу»;

Медаль «За оборону Ленинграда» и другие медали;

Премия Совета Министров СССР.

Увековечивание памяти А.В. Ржанова

В 2006 году Институту физики полупроводников присвоено имя академика А. В. Ржанова (постановление Президиума РАН № 400 от 26 декабря 2006 года).

В 2010 году в честь А. В. Ржанова названа улица в ново-

сибирском Академгородке, на которой расположен главный корпус Института физики полупроводников СО РАН.

Салганик Рудольф Иосифович

(12.06.1923 – 12.04.2017)

Рудольф Иосифович Салганик родился 12 июня 1923 году в Киеве, в еврейской семье служащих: отец – Салганик Иосиф Хаскелевич, мать – Песя Иосифовна.

В 1940 г. после окончания школы Р.И. Салганик поступил в 1-й Киевский медицинский институт. Когда началась война, ему было всего 18 лет. В 1942 г. он был мобилизован и переведен на военный факультет 2-го Московского государственного медицинского института им. И.В. Сталина. В 1944 г. ускоренно, за 3,5 года он получил диплом врача и попросился на фронт. Сначала его назначили в парашютно-десантный батальон, а затем стал служить командиром санитарной роты 324 гвардейского стрелкового полка 3 Украинского фронта. Он участвовал в боях за освобождение Венгрии, Австрии, Чехословакии. Интересный случай на фронте: однажды в Венгрии, наши войска быстро продвигались и заняли деревню. Туда прибежали местные жители из соседней деревне с просьбой о помощи врача – роженица не может разродиться. Так как войска быстро продвигались, то врачи были на месте, а хирургические инструменты еще в обозах сзади и имеются только перевязочные пакеты. Больную осмотрели и решили, что нужна операция. Есть только

спирт во фляжке и опасная бритва. С помощью этой опасной бритвы была проведена успешная операция, в результате которой родился мальчик. И через 20 лет деревенские жители разыскали Салганика и пригласили его на свадьбу этого мальчика. Что примечательно, что этого мальчика называли тоже Рудольф.

В 1946 году демобилизовался в звание капитана. И был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и медаль «За победу над Германией».

После демобилизации в 1946 году он работал в Мединституте в Киеве, а в 1955 уже защитил кандидатскую диссертацию по биохимии.

Как только начал создаваться Новосибирский Академгородок, а это было в 1957 году, Салганик одним из первых приехал сюда и много лет возглавлял научную работу в Институте генетики и цитологии СО АН, с 1961-1994 гг. – заместитель директора Института цитологии и генетики СО РАН (АН СССР). Основным направлением научной деятельности являлась вирусология.

Рудольф Иосифович организовал в Бердске Бюро биологически-активных веществ как подразделение Бердского химического завода, это было полупромышленное предприятие. В основном работали по вирусологии. А с 1981 г. начал создаваться противовирусный научный центр в Кольцово, который вырос до масштабов «Вектора». Т.е. «Вектор» – это детище Салганика, именно он инициатор создания этого

центра – Института биомедицинских технологий.

Самым главным открытием которое было сделано Рудольфом Иосифовичем это препарат Имозимаза. Во время войны он видел и понимал, сколько людей погибает от гнойных ран и как важно этого не допустить. И начал заниматься научными работами именно в этом направлении. Он взял за основу ферменты. Это биологические катализаторы, которые проводят реакции. В растворе они теряют активность. Но он доказал, что если фермент привязать к твердой основе, то активность сохраняется. И решили привязать их к целлюлозе – получился препарат Имазимаза. В афганской войне имозимазой пропитывали бинты и раны обеззараживались: никакого гноя и сепсиса. И тысячи солдат были спасены во время афганской войны. Сейчас в своей практике врачи используют Имозимазу в стоматологии после операции, при язве желудка, любые кожные поражения, можно капать в глаза, нос и уши, пить. Снимает любое воспаление.

Блестящий лектор Р. Салганик своими курсами биохимии, физиологической химии, молекулярной биологии "заразил" не одно поколение студентов НГУ. Сегодня его ученики читают лекции, ведут семинары в вузах Сибири, Москвы, Казахстана, Франции, США. По школьному учебнику "Общая биология", одним из авторов которого является Р. Салганик, учатся миллионы школьников России, Белоруссии, Украины и других республик бывшего Союза.

Интеллигентный, широко и всесторонне образованный,

прекрасно знающий театр, живопись, музыку и литературу, Рудольф Иосифович легко становился душой и эпицентром любого мыслящего коллектива. Работать и общаться с ним по воспоминаниям современников было одно удовольствие. Но он бывал нетерпим, ироничен и даже агрессивен, когда сталкивался с тупостью, рутинной и "повторением пройденного".

В 1971 г. ему присвоено звание профессора, в 1981 – член-корреспондента, по отделению биофизики, биохимии и химии физически активных соединений, а в 1992 году было присвоено звание Академик – Российской Академии наук. Умер на 94-ом году жизни. За это время написал более 300 научных публикаций, подготовил 7 докторов наук и более 50 кандидатов наук.

Награды:

Награжден орденами Трудового Красного Знамени (дважды 1967 и 1983);

Лауреат Государственной премии СССР (1979);

лауреат Ленинской премии (1990 г.) и множество медалей.

На вопрос как Вы так много успеваете? Рудольф Иосифович отвечал: «Никогда не нужно делать того, что можно не делать. Жизнь коротка – нужно спешить!»

Христианович Сергей Алексеевич

(09.11.1908 – 28.04.2000)

Сергей Алексеевич Христианович родился 27 октября (9

ноября по новому стилю) 1908 г. в Петербурге. Его родители – дворяне. Папа – Алексей Николаевич – служил юристом. Семья была обеспеченной и постоянно жила в собственном поместье недалеко от Орла.

Когда произошла Октябрьская революция Христиановичи переехали в Орел. До последнего они надеялись, что страсти улягутся, и жизнь в России вернётся в прежнее русло. Но вскоре стало ясно, что, увы, эмиграции не миновать. Вместе с армией генерала Деникина родители Серёжи вынуждены были отступить на юг. В Ростове-на-Дону жизнь Сергея произошла страшная трагедия – родители и старшая сестра умерли от тифа, и мальчик оказался совсем один в незнакомом городе. Профессор Д. И. Иловайский, случайно встретив Серёжу на улице, был очень удивлён, что беспризорник, торгующий папиросами, свободно говорит по-французски. Он взял необычного мальчишку под своё покровительство.

В 1923 С. Христианович поехал к своей тетке М.Н. Бек в гости, в Петроград, но заболел малярией и вынужден был остаться.

В 1925 году Сергей окончил школу и ему не смотря, на дворянское происхождение, удалось поступить в Ленинградский университет на математическое отделение физмат факультета. Лекции студентам читали В. И. Смирнов, Н. Е. Кочин и Н. М. Гюнтер. Всю жизнь Сергей Алексеевич с благодарностью вспоминал своих университетский профессоров.

До 1935 г. Сергей Алексеевич работал в Ленинграде в

Государственном гидрогеологическом институте. Там, в сотрудничестве с известными учеными, им была выполнена первая серьёзная работа по гидравлическим проблемам гидротехнического строительства и водоснабжения, природных паводковых и других явлений.

В 1935 г. Сергей Алексеевич перебрался в Москву и поступил в докторантуру Математического института имени В. А. Стеклова. Уже через год им была решена задача математической теории пластичности при внешних силах, заданных на замкнутом контуре. Потом она получила огромную известность. Научным руководителем (в общем, формальным) стал его студенческий однокашник и ровесник С.Л. Соболев, уже признанный в то время учёный (в 1933 году, в возрасте 25 лет, его избрали членом-корреспондентом АН СССР). В 1938 г. после окончания докторантуры Сергей Алексеевич защитил... сразу две докторские диссертации! Одну по физико – математическим наукам, а вторую по техническим. А в январе 1939 г. (в 31 год) молодого ученого избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР по Отделению технических наук.

После защиты, он начал работать в только что созданном Институте механики АН СССР. Перешёл туда, прихватив с собой команду специалистов-механиков из Математического института. В Институте механики Сергей Алексеевич проработал 1939 и 1940 годы. Он был молод, но уже зарекомендовал себя перспективным и талантливым учёным, по-

этому и заниматься мог всем, что душе было угодно – преподаванием, консультациями в промышленных институтах, теоретическими исследованиями. В то время С. А. Христианович закончил два серьёзных труда по теории фильтрации и медленного просачивания жидкости сквозь пористую среду. В первом он определил метод при расчетах движения нефти в пласте, а во втором разработал методику расчета разработок месторождений газированной нефти.

В 1940 г. Сергей Алексеевич перешел на работу в ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н. Е. Жуковского). Основной задачей ЦАГИ было развитие авиационной промышленности в стране.

В результате стараний сотрудников ЦАГИ и лично Сергея Христиановича в 1942–1943 годах советские самолёты по своему качеству и параметрам существенно превосходили немецкие.

Ещё одно важное достижение С. Христиановича и его команды (Л. Левина, И. Слезингера и Ф. Гантмахера) времён Великой Отечественной войны – сокращение разброса оперенных реактивно-вращающихся снарядов для «Катюши» в 2,5–3 раза и повышение их боковой кучности без существенных изменений конструкции и технологии.

Это был огромный вклад наших учёных в Победу. Вся команда удостоилась высоких правительственных наград, Христианович же получил орден Ленина (всего у него было шесть таких наград).

В 1938 г. группой учёных-математиков была написана статья о том, что Советскому Союзу жизненно необходимо создание Высшей Политехнической школы. Дело в том, что Математический институт Академии Наук был невелик – он включал в себя не больше десяти именитых учёных, которым как воздух была необходима молодая смена.

Сергей Алексеевич Христианович вспоминает: «Было видно, что новая техника вылезала из всех углов... Было видно, чтобы выйти из создавшегося положения, чтобы не искать ошибок в учебниках, чтобы многие потом не бегали по консультациям, решая простые вопросы (а возникали всё более сложные), нам не обойтись без подготовки кадров по-новому».

Но в связи с началом войны, идею создания высшей школы пришлось отложить. Вернулись к этому вопросу лишь в 1946 году. П.Л. Капица и С.А. Христианович подготовили соответствующие документы, которые И.В. Сталин подписал «без помарок». Однако праздновать победу было рано. После того, как П.Л. Капица в августе 1946 года приказом Совмина, подписанным Сталиным, был отстранён от должности директора Института физических проблем, Высшую физико-техническую школу... закрыли на этапе её открытия. Следом, 6 марта 1947 года вышел еще один приказ Министерства Высшего образования СССР. На этот раз министерство утвердило Совет Физико-технического факультета МГУ, где указывалось и назначение Христиановича: Хри-

стианович Сергей Алексеевич – академик, проректор университета по специальным вопросам.

К середине 50-х годов в стране накопилось немало организационных проблем развития науки. Стала очевидной необходимость развития восточных районов, освоения несметных богатств Сибири, Урала. Огромная концентрация научных сил в те годы была сосредоточена, в основном, в Москве, Ленинграде, Киеве, а в провинции ученых было недостаточно. Правительство нашей страны хорошо понимало, что без создания прочного научного фундамента и научной базы, без местных кадров невозможно развивать местную промышленность. Было решено начать с академической науки как фундамента. Вместе с академиками М. А. Лаврентьевым и С. Л. Соболевым Сергей Алексеевич предложил создать в Сибири комплексный научный центр.

Коллективный интеллект трех математиков, как компьютер, просчитал оптимальный для тех условий вариант реализации их замысла. Ученые начинали необычное по своей новизне и масштабам дело, и для его обоснования было необходимо учесть множество факторов – экономических, политических, научных. В результате этих усилий 18 мая 1957 года Правительством Советского Союза было принято постановление «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР». С. А. Христианович стал первым заместителем председателя Сибирского отделения М. А. Лаврентьева. На него было возложено руководство организацией проектиро-

вания и строительства Новосибирского научного центра и его филиалов в Красноярске, Иркутске и Владивостоке. Весь свой огромный научно-организационный опыт Сергей Алексеевич щедро вложил в дело создания в Сибири первоклассного научного центра мирового значения.

Новосибирский госуниверситет своим существованием так же во многом обязан именно Христиановичу. По инициативе Сергея Алексеевича первый набор студентов производился сразу на два курса – первый и второй. Абитуриенты второго курса принимались после окончания первого курса любого вуза, но зачисляли их только после собеседования с Христиановичем. «Для работы в Сибирском отделении Сергею Алексеевичу приходилось также активно «вербовать» кадры молодых специалистов. В начале 60-х годов в новосибирском Академгородке наблюдался настоящий культ науки. Сюда приезжали многие известные ученые с мировым именем. Те, кто стоял у истоков научного центра – М. А. Лаврентьев, С. Л. Соколов, С. А. Христианович и другие, заражали всех своим энтузиазмом».

С. А. Христианович в созданном им институте Институт теоретической и прикладной механики СО АН, развивал следующие основные направления: аэродинамика больших скоростей, ударные волны, магнитная гидродинамика, механика горных пород, энергетические установки. «В 1965 г. в Институте близилось к завершению сооружение уникального стенда ПГУ (парогазовой установки).

Работы, выполненные коллективом ученых под руководством Христиановича в области экологически чистой энергетики, послужили толчком к активизации работ в этом направлении во всем мире.

Именно в Новосибирске С. А. Христианович вместе со своими многочисленными учениками продолжил исследования по теории пластичности, механике деформируемого тела и распространению возмущений в различных средах. Учеными Института были получены новые результаты в теории гидравлического разрыва нефтеносного пласта, в исследованиях механизма внезапного выброса угля и ряда задач в твердых средах, а также в теории коротких волн. В настоящее время эти работы успешно развиваются как в Институте теоретической и прикладной механики, так и в других исследовательских институтах страны».

Наступил 1965 год. С. А. Христианович вернулся в Москву. До сих пор многие биографы Христиановича ищут ответ на вопрос, почему он это сделал. «На заседании партийного бюро ИТПМ от 9 апреля 1965 года, Христианович говорил: «Мне было очень трудно работать здесь, поддержки в СО АН не имел, пока хватало моих физических сил, я работал здесь, а сейчас состояние здоровья ухудшилось...» Но очевидно, что дело было не в состоянии здоровья.

Что касается испортившихся отношений с Лаврентьевым, многие бывшие сотрудники Сергея Алексеевича сообщают, что всё началось с того, что в общей приёмной на Совет-

ской, 20, постоянно можно было видеть такую картину: в основном, весь народ шёл к Христиановичу. «Потому что он решал все основные вопросы – занимался строительством, распределял финансы, а Лаврентьев на этом фоне выглядел номинальным руководителем» – объясняет В.М. Масленников. Е.А. Фадеев говорит о том же: «Когда он увидел, что не к нему все идут, а к Сергею Алексеевичу, он почувствовал, что вроде как уходит на второй план.

В 1961 году произошла крупная ссора между академиками. Есть свидетельство А.П. Филатова, который в то время был секретарём новосибирского горкома КПСС, о конфликте. Дело в том, пишет Филатов, что «Христианович освободил Б.В. Войцеховского от обязанности заведующего отделом Института гидродинамики – после несчастного случая со смертельным исходом по причине грубого нарушения правил техники безопасности в этом отделе. Решение справедливое. Но Лаврентьев, вернувшись из заграничной командировки, возмутился – почему решение принято в его отсутствие? Более шести часов вместе с работниками ЦК КПСС мы пытались их «помирить», доказать Лаврентьеву, что «грехи» Христиановича не так серьезны, чтобы освобождать его от должности первого заместителя председателя Президиума СО АН. Однако, Лаврентьеву это не понравилось, так как Войцеховского он считал своим ближайшим соратником. И он поднял вопрос о личной жизни Христиановича, заявляя, что тот «своим неправильным поведением

скомпрометировал себя перед коллективом учёных, он оставил прежнюю семью и стал жить со своим референтом». Думается, что это был только повод, чтобы вывести С.А. Христиановича из руководящего состава Сибирского отделения. Естественно, факт личной жизни академика был незамедлительно «разобран» на партийном собрании в 1961 году. Академик В.Е. Накоряков вспоминает, что «на партсобрание по поводу этого романа прилетал даже президент Академии наук Келдыш...» В результате Христианович получил партийное взыскание – строгий выговор, (он был снят Советским райкомом 8 января 1962 года). И на выборах в 1961 году Христианович в состав Президиума СО АН не прошёл, а соответственно был отстранён таким образом от принятия на этом уровне решений. И это истинная причина отъезда С.А. Христиановича.

В 1965 году, он вернулся в Москву. Работал научным руководителем Всесоюзного НИИ физико-технических и радиотехнических измерений (1965—1972), заведующим лабораторией в ИПМАН (1972—1988), советником при дирекции в этом институте (с 1988 года), продолжал научные исследования в области теории пластичности. С 1995 года – советник Российской академии наук.

Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

В последние годы жизни занимался проблемами извлечения нефти. Являлся членом редакционной коллегии журнала «Измерительная техника».

Увековечивание памяти С.А. Христиановича в Новосибирском Академгородке:

Имя С. А. Христиановича присвоено Институту теоретической и прикладной механики СО РАН в 2005 (мемориальная доска на фасаде здания и аудитории в НГУ);

Учреждена премия имени академика С. А. Христиановича для молодых учёных СО РАН.

Яненко Николай Николаевич

(22.05.1921 – 16.01.1984)

Николай Николаевич Яненко родился 22 мая 1921 года в г. Каинске (ныне г. Куйбышев Новосибирской области). Отец его был бухгалтером, мать – домохозяйкой. В 1923 году семья Яненко переехала в Новосибирск. В семье росли пятеро детей, и в доме всегда была атмосфера заботы и дружбы. В 1927 году отца перевели на работу в Семипалатинск, где он вскоре умер от тифа, и все заботы о детях легли на плечи матери.

Коля был самым младшим в семье, его рано проявившиеся способности были замечены всеми. В школу он пошел в 1929 году. В этом же году его перевели во второй класс, который он окончил с похвальной грамотой. У старших братьев он научился играть в шахматы, любил мальчишеские игры, особенно футбол. Здесь открылась его новая черта – азартность, с которой он вел игру, заражая других. Эта неистовая азартность осталась в нем навсегда.

После 7-го класса Николай Яненко за отличную учебу был

премирован поездкой в Москву. Он отлично занимался по всем предметам: глубоко знал историю, удивлял всех успехами в немецком языке, любил литературу. Постепенно его главным увлечением стала математика.

Школу окончил с медалью и со свободным владением немецким языком.

В 1939 году Николай Яненко поступил на физико-математический факультет Томского государственного университета им. Куйбышева. Началась война с Финляндией. Яненко из-за близорукости не попал в первые призывы. Он настолько сильно голодал, что даже временно потерял зрение. Но учился так, что с отличными оценками закончил полный курс университета за 3 года, вместо 5. Способного студента заметил профессор эвакуированного в Томск Московского университета – Петр Константинович Рашевский, который предложил способному студенту тему для самостоятельного исследования. Он обогнал в учебе всех своих товарищей и летом 1942 года с отличием окончил университет, получив назначение в школу села Северное Новосибирской области учителем математики. Но через два дня, уже находясь в Северном, он получает повестку военкомата.

После короткого обучения, в октябре 1942 года он попадает на Ленинградский фронт: участвовал в тяжелых боях на Синявинских высотах и прорыве блокады. Вскоре его назначили на должность агитатора (рупориста), благодаря прекрасному знанию немецкого. Нужно было проползти по ней-

тральной полосе, как можно ближе к немецким окопам и через жестяной рупор объяснять солдатам противника почему нужно быстрее сдаться. По агитатору сразу открывали огонь, но судьба берегла Николая. Вскоре его перевели в разведку с которой он дошел до Кенигсберга. За проявленное мужество при взятии деревни Погорелки в Новгородской области он был награжден медалью «За отвагу». Она на всегда осталась для Яненко самой дорогой наградой. Среди однополчан Яненко отличался тем, что не курил, фронтовые 100 грамм отдавал товарищам и везде где мог собирал научные книги. С ноября 1942 года по май 1945 года он участвовал в обороне и прорыве блокады Ленинграда, в Ленинградско – Новгородской наступательной операции, в освобождении Прибалтики и блокаде Курляндской группировки противника. Ленинградский фронт учёный позднее называл своим третьим университетом. А потом была медаль «За оборону Ленинграда», орден Красной Звезды... В декабре 1945 года он был демобилизован в звании лейтенанта.

И уже в феврале 1946 года поступил в аспирантуру механико-математического факультета Московского государственного университета. Трудно было восполнить потерю знаний, нанесенную войной, но он успешно сдал экзамены и стал аспирантом профессора П.К. Рашевского. В 1949 защитил кандидатскую диссертацию и в том же году начал работу в Геофизическом институте АН СССР в отделе Андрея Николаевича Тихонова.

В 1948 году А.Н. Тихонова привлекают к участию в работах по атомному проекту: ему поручается организация Вычислительной лаборатории № 8 для проведения расчётов процесса взрыва атомной (а потом и водородной) бомбы. В короткое время была создана группа сотрудников, в основном учеников и аспирантов Тихонова, в которую вошел и Н.Н. Яненко.

И уже 1953 г. в СССР был испытан первый в мире компактный термоядерный заряд. Николай Николаевич получил свою первую Сталинскую премию.

Вскоре Яненко Н.Н. пригласили в новый ядерный центр на Урале – закрытый город Челябинск – 70 (позже Снежинск). Это был новый специально построенный для ядерщиков город. Их усилиями заложены основы многих последующих успехов в разработке ядерного вооружения. Здесь Николай Николаевич стал автором знаменитого метода дробных шагов, который позволил вывести его работы на мировой уровень.

В атомной отрасли тогда работали лучшие ученые. Среди которых был и Г.И. Марчук. Он хорошо знал Яненко по работе и лично. Марчук предложил ему возглавить Отдел численных методов механики сплошной среды на ВЦ в Новосибирском Академгородке. 23 октября 1963 года Николай Николаевич вместе с семьей переезжает в Новосибирский Академгородок где начинается самый плодотворный период его научной деятельности: математика и снова Сибиряка. Начал

работу в Институте вычислительной математики и математической геофизики (ИВМиМГ СО РАН), где проработал 13 лет.

Уже в том же 1963 году он также становится профессором НГУ;

– В 1966 году в Новосибирском государственном университете им организована кафедра вычислительных методов механики сплошных сред. Которая является до сих пор одной из самых успешных на механико–математическом факультете НГУ;

– В Вычислительном центре быстро создал дружный и творческий работающий коллектив сотрудников;

– В 1966 году он был избран членом-корреспондентом;

– 1970 году – становится действительным членом Академии наук СССР.

– Часто по приглашению выезжал читать лекции во Франции, Западной и Восточной Германии, Англии, Ирландии, США. Лекции читал на языке той страны в которой был. Так как знал 5 языков, которые выучил самостоятельно. Удивлял коллег за границей знаниями истории, культуры и искусства их стран.

С 1976 Н.Н. Яненко становится директором Института теоретической и прикладной механики СО АН СССР. Сумел задать большому научному коллективу института новую успешную траекторию и вывел на мировой академический

уровень.

В эти годы активно занимался просветительской деятельностью. Наиболее известным примером служит организация знаменитого «кольца семинаров» – кольцо из шести Всесоюзных научных встреч в разных городах по различным разделам вычислительной математики послужило мощным стимулом для развития и пропаганды численных методов в СССР и создания нового научного направления – математического моделирования. Фактически эти семинары и его научные коллективы на Урале и в Сибири являлись школами Яненко, которые успешно действуют и сегодня

Была и другая сторона жизни: семья (жена и две дочери), активный отдых – очень любил кататься на лыжах, выезды с коллективом на картошку, посещение концертов в Доме ученых и библиотек. Но самое главной оставалась конечно работа.

Награды:

За свои научные работы Н.Н. Яненко награжден

– 1953 – лауреат Сталинской премии 3-й степени;

– 1953 г., 1955 г., 1971 г. – тремя орденами

Трудового Красного Знамени;

– 1972 – Государственная премия СССР;

– 1975 г. – орден Октябрьской революции;

– 1985 Государственных премий СССР (посмертно)

Увековечивание памяти Н.Н. Яненко:

– на зданиях Института теоретической и прикладной ме-

ханики им. С.А.Христиановича СО РАН и Института вычислительной математики и математической геофизики СО РАН (бывший ВЦ СО АН СССР), где он работал, установлены мемориальные доски;

– В Академгородке в его честь названа улица – «Проезд Академика Яненко».